
Марьяна Брай
Не женское дело

Марьяна Брай
Не женское дело

https://litres.ru/74726013
SelfPub; 2026

Аннотация

Настя - историк, хорошо знающий права женщины 19 века. Только, вот, настоящие мошенники тоже профессионалы своего дела. Ты возвращаешься с лекции, хочешь скорее обнять любимого, а дома тебя ждут пустые стены и пара новых кредитов. Что делать? Правильно! Идти в архив и работать, чтобы купить новую кофеварку, торшер и ёршик для унитаза.

А в архиве, как в ее жизни - все держится на соплях. И оказывается Настенька там, где побороться за своё счастье и удачу придется куда больше, чем в мире, где твое образование - уже залог успеха.

#Бытовое фэнтези
#Неунывающая героиня
#Хэппи Энд

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	62
Глава 9	72
Глава 10	81
Глава 11	91
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	114
Глава 15	121
Г	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Марьяна Брай
Не женское дело

Глава 1

— Итак, господа будущие коллеги, давайте раз и навсегда закроем этот пасторальный миф о том, что женщина в девятнадцатом веке была лишь бесправным дополнением к кринолину и комнатному фикусу. — Я поправила очки и обвела взглядом аудиторию.

Поток был сонным. Конец мая, на улице призывно цвела сирень, а тут я со своим Сводом законов Российской империи. На задних рядах кто-то откровенно залипал в телефон, явно надеясь, что билет по имущественным правам женщин ему не достанется. Зря.

— Если вы откроете десятый том Свода законов, — я постучала пальцем по трибуне, — то обнаружите там пункт, который до сих пор заставляет феминисток прошлого аплодировать стоя. В отличие от просвещённой Европы, где француженка после свадьбы фактически теряла право подписи, наша соотечественница образца тысяча восемьсот тридцатого года обладала уникальным бонусом: раздельностью имущества супругов. Понимаете?

Первокурсник в первом ряду, кажется, даже перестал жевать жвачку.

— Это значит, — продолжила я, входя в раж, — что если… например, Настасья Пална выходила замуж за некоего Антипа Брониславыча, и у Настасьи Палны был свой мыловаренный завод, то Антип мог хоть обвешаться долгами в карты, хоть пропить фамильное серебро, но к заводу жены не имел права прикоснуться без её нотариально заверенного «да». Она могла продавать, закладывать и управлять своей собственностью сама. Без разрешения мужа. Без его подписи. Просто потому, что это её приданое. В этом плане наши прапрабабушки были порой защищены лучше, чем некоторые современные жёны, подписавшие ипотеку на имя мужа в состоянии нежной влюбленности. — В аудитории раздался смешок. Я улыбнулась.

— Они же там тупые были, как пробки, эти ваши прапрабабушки! Им только балы да корсеты понятны были! — один из моих студентов решил блеснуть знаниями женской натуры. Но девичьего смеха не дождался — барышни нашего времени горой стояли за своих предшественниц.

— Так что, господа, образ «бедной Лизы» хорош для литературы, — я не велась на демагогию, да и пара подходила к концу. Нужно было завершить лекцию и поторопиться домой. — А для истории бизнеса 1830-х годов нам ближе образ жесткой владелицы мануфактуры, которая умеет считать копейку и вовремя указать супругу-кутиле на дверь. За-

помните это: в России девятнадцатого века капитализм имел вполне себе женское лицо, если у этого лица была голова на плечах. На сегодня всё. Встретимся на зачёте.

Собрав конспекты в сумку, я почувствовала приятное послевкусие от лекции. Я любила свою работу. История для меня не была набором дат, это был справочник по выживанию. Жаль только, что я сама следовала ему лишь в теории.

Выйдя из метро, я заскочила в кофейню. «Один большой латте для самой умной женщины-историка», — мысленно заказала я себе. Настроение было отличное. Мы с Игорем собирались вечером обсудить наш отпуск. Ну как — «обсудить». Я планировала Грецию, он — «инвестировать эти деньги в один перспективный стартап». Но сегодня я была готова надавить. Как там было в десятом томе? Раздельность имущества? Вот именно. Мои премии — это мои билеты на Крит.

Я подошла к своей многоэтажке, предвкушая, как сейчас скину туфли на каблуках. Игорь должен был быть дома — он уже неделю «работал удаленно», что в переводе с его мужского на мой женский означало «лежал на диване и искал себя в криптомире».

Я вставила ключ в замок. Первое, что меня насторожило — ключ повернулся слишком легко. Дверь была не заперта.

— Игорь, ты дома? — крикнула я, заходя в прихожую. — Я купила обалденный пирог, будем праздновать окончание семестра! Ответом мне была тишина. Но какая-то странная,

гулкая тишина. Знаете, так звучит пустая консервная банка. Я сделала шаг в гостиную и замерла. Пирог в моих руках предательски накренился.

В гостиной не было телевизора, на который в первую очередь падал взгляд из прихожей. Огромной «плазмы», которую я брала в рассрочку, просто не существовало. Остался только кронштейн на стене, сиротливо торчащий, как скелет доисторического животного, и пятно невыгоревших за год обоев.

— Игорь? — голос дрогнул. Я прошла на кухню. Если в осиротевшей без телика гостиной оставался диван с разбросанными вещами, то кухня встретила меня девственной чистотой столешниц. Моя гордость — кофемашина, которая варила идеальный капучино. Её не было. Чайник? Исчез. Тостер? Испарился. Набор мисок из одного немецкого магазина посуды, купленный мною за бешеные деньги, тоже отсутствовал – это было видно невооруженным глазом: шкафчики были выдвинуты, дверцы распахнуты.

Я на негнущихся ногах подошла к единственному закрытому кухонному навесному шкафу и рывком открыла его. Пусто. Он вывез даже набор ложек. Серебряных, бабушкиных. Тех самых, про которые он говорил: «Настя, это мещанство, давай купим современный минимализм». Видимо, современный минимализм не так хорошо закладывается в ломбард, как старое серебро.

Я села на пол прямо там, посреди кухни, где ещё утром

суетился робот-пылесос. Кстати, его тоже не было. Игорь даже пыль за собой решил не оставлять. Достала телефон.

«Абонент временно недоступен».

Разумеется. Посмотрела банковское приложение. Ну конечно. Общий счет, который мы завели «для удобства оплаты коммуналки и продуктов» и куда я так непредусмотрительно скинула вчерашний гонорар за статью, сиял идеальным круглым нулем.

— Десятый том... раздельность имущества... — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы, но через секунду сквозь них пробился истерический смешок. — Молодец, Настенька. Рассказала студентам про права женщин? Провела мастер-класс по юридической грамотности?

Я посмотрела на то место, где раньше стояла микроволновка. Там сиротливо лежала одна-единственная скрепка.

— Значит, Игорь у нас теперь... «Антип Брониславыч», — я вытерла нос рукавом. — Только без усов, без чести и с моей кофемашиной под мышкой.

В этот момент я поняла одну важную вещь. Историк внутри меня не просто страдал — он был в ярости. Я знала примеры предательств похлеще, знала, как рушились империи из-за одного неверного росчерка пера. Но знать об этом в теории и сидеть на полу в обокраденной квартире — это разные виды исторического опыта. Я встала, отряхнула юбку и пошла к шкафу в прихожей. Если этот гад забрал мои туфли, я найду его даже в криптопространстве и придушу шнурка-

ми.

Шкаф был полупуст. Исчезло его брендовое зимние пальто, моя шуба и дубленка, мои дорогие сумки, которые он настоятельно советовал прикупить, ибо… «не комильфо такой леди расхаживать с сумкой фабрики «Медведково». И — боже, какой мелочный! — мой фен. Тот самый, профессиональный, на который я копила два месяца.

— Ну всё, Игорёша, — сказала я пустоте. — Фен — это была точка невозврата.

Потом я вспомнила о спальне…

Мой любимый торшер в стиле ар-деко исчез. Три набора постельного из натурального сатина, купленного скрепя сердце и ни разу не использованного, покинули мой дом.

Мои платья висели на месте — видимо, вкус Игоря не распространялся на женский гардероб размера М. А вот его полки сияли первозданной чистотой. Ни одной майки, ни одного носка со свинкой Пеппой, которые я ему подарила на годовщину — ироничная я женщина.

Сейф в шкафу был открыт настежь. Пуст. Мои серьги, кольцо с изумрудом, которое мне подарил папа на окончание университета, и самое главное — папка с моими заначками «на черный день». Похоже, черный день наступил. И он был цвета пустого шкафа. Я сползла по стенке на пол. Сердце колотилось где-то в районе горла. Казалось бы, я историк. Я знаю сотни примеров предательств, заговоров и дворцовых переворотов. Но когда тебя «переворачивает» собственный

парень, с которым вы планировали состариться и спорить о сортах чая, академические знания помогают слабо.

— Спокойно, Настя, — я глубоко вздохнула. — Ты — эксперт по праву. Ты — женщина с руками, ногами и головой! Хотя… последнее уже не точно! Просто учебное пособие по идиотизму, а не женщина-историк!

— Ах ты ж… инвестор хренов! — я сорвалась на крик, и мой голос эхом разлетелся по пустой квартире. Я открыла WhatsApp. Контакт Игоря был без аватарки. «Был в сети: давно». Заблокирована. Попытка набрать номер закончилась механическим голосом: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

— Так, Настя, — я встала, поправляя юбку. — Месть — это блюдо, которое подают холодным. Но сначала мне нужно понять, насколько глубока эта яма.

Я прошла в коридор и заметила на полке для ключей, которую он милостиво оставил, маленький белый листок. Записка? Неужели у него проснулась совесть, и он написал: «Прости, бес попутал, не смог забрать диван, отправь его курьером по приложенному адресу»?

Я схватила бумажку.

«Настюш, не обижайся. Ты же сама говорила: имущество должно работать. Я взял его в оборот. Ты умная, ты ещё заработаешь, а мне нужнее для старта. Ключи оставлю у консьержа. Помни, я тебя любил. П.С. Эклеры не ешь на ночь, это вредно для фигуры.»

Я смотрела на этот листок минуту. Потом ещё одну. Гнев внутри меня сменился какой-то странной холодной ясностью.

— Эклеры не есть? — я медленно достала из коробки кусок пирога и откусила сразу половину. Сладкий крем из ягод и запеченной меренги показался мне самым вкусным продуктом в мире. — Значит так, Игорь. Ты хотел «имущество в оборот»? Ты его получишь.

Я знала, что делать. Лезть в драку бесполезно, полиция будет мурыжить дело месяцами, а аренда квартиры за следующий месяц сама себя не оплатит. Мне нужен был архив. Там, среди пыльных папок и документов двухсотлетней давности лежало дело о наследстве одной семьи, которое я вела для одного очень богатого и очень капризного клиента. Если я докажу, что земли под современным торговым центром принадлежали его предкам незаконно (или наоборот, законно), мой гонорар перекроет все выходки Игоря вместе с ложками и кофемашиной.

Мне нужны были документы 1830 года. Там была какая-то лазейка, связанная с кирпичным заводом в Усть-Ижоре. Я помнила, что в последний раз видела нужную опись на самой верхней полке в спецхране.

Одним из плюсов моего характера было умение собираться «в кучку» при самых сложных обстоятельствах. Сейчас психологи это называют диагнозом, но для меня такое вот умение — не «сесть и заныть», а собраться и разгрести —

было спасением.

Я вызвала такси. Остаться дома и спать в пустой квартире я была не готова. Лучше провести ночь в архиве, среди пыльных бумаг.

В кармане завибрировал телефон. Сердце екнуло: Игорь? Раскаялся? Или сейчас сообщит, что разыграл меня и перевёз все нажитое мной в наш новый общий дом на Рублевке? Это был бы номер, конечно, но в сказки я не верила!

На экране высветилось уведомление от банковского приложения. «Уважаемая Анастасия Павловна, напоминаем о необходимости внесения платежа по кредиту…» И следом ещё одно. И ещё. Я зашла в личный кабинет, чувствуя, как внутри всё каменеет. Этот… предприниматель недоделанный, не просто вывез технику. Он, пользуясь тем, что я когда-то в порыве «мы же одна семья» дала ему доступ к своему планшету и, каюсь, дура, подписала какую-то «невинную» бумагу для его стартапа, ухитрился оформить на меня два микрозайма и один полноценный потребительский кредит. Суммы были такие, что мне пришлось бы читать лекции круглосуточно, в три смены, примерно до следующего миллениума.

— Гад, — выдохнула я. — Какой же ты феерический гад, Игорёша.

Больше всего было обидно не за деньги. Ну, в конце концов, деньги — дело наживное. Обиднее всего было за собственную доверчивость. Я ведь действительно его любила.

Думала, что его горящие глаза — это страсть к делу, а оказалось — просто азарт игрока, нашедшего удобную кормушку.

Глава 2

Историческая библиотека в Старосадском переулке встретила меня, как всегда, запахом старой бумаги, мастики для пола и незыблемости. Здесь было тихо. Настолько тихо, что я наконец-то смогла перестать слышать в голове голос Игоря, объясняющий, почему «улитки — это будущее инвестиций».

В архиве было тихо, как в склепе, только где-то на задворках монотонно бубнил старый ксерокс, напоминая о том, что мы всё-таки в двадцать первом веке. Я прошла мимо дежурной Клавдии Степановны, женщины, которая, кажется, лично помнила реформы Сперанского и охраняла вверенные ей папки с рвением цербера на антидепрессантах.

— Опять вы, Вербицкая? — проскрипела она, не отрываясь от кроссворда. — У нас санитарный час через сорок минут.

— Я быстро, Клавдия Степановна. Только одну справку уточнить по Вербицким. Горю, честное слово.

«Горю» было мягко сказано. Я буквально полыхала от отчаяния и ярости на Игоря. Мне нужно было зарыться в документы, чтобы перестать прокручивать в голове образ пустой квартиры и пустых глаз моего бывшего.

— Родственники нашлись в прошлом? — Клавдия Степа-

новна прищурилась с интересом.

— Нет, однофамильцы, — выдохнув, ответила любопытной хранительнице.

Я прошла в сектор дореволюционных фондов. Здесь потолки были высоченными, а полки уходили в бесконечность, теряясь в полумраке. Пахло здесь божественно: смесью клея для переплетов, вековой пыли и массы хранимых тайн. Для кого-то склад макулатуры, для меня — фейсбук прошлых веков.

— Так, Вербицкие, Санкт-Петербургская губерния, Шлиссельбургский уезд, кирпичный завод в селе Усть-Ижора… — бормотала я, листая опись. — Где же вы, голубчики?

Мой заказчик, пухлый бизнесмен с золотой цепью, спрятанной под воротничком поло, очень хотел стать «превосходительством». А я должна была найти доказательство того, что его прапрадед не просто мимо того завода проходил, а владел им по всем правилам. Я нашла нужный шифр. Но папка оказалась в секторе «Особо ценные», на самой верхней полке, куда даже Клавдия Степановна добиралась только с помощью молитвы и штурмовой лестницы.

Штурмовая лестница, высокая, на хлипких колесиках, стояла рядом.

— Ну, Анастасия, — сказала я себе, — ты же сильная и независимая. Ты даже пережила кражу ёршика для унитаза. Что тебе какая-то лестница?

Ёршик, конечно, Игорёша выкинул, чтобы не оставить

следов своего мудачьего ДНК, и, уверена, протёр специальным раствором все поверхности в квартире не по причине глубокой любви к чистоте, а чтобы не оставить отпечатков. Да и машину для перевозки краденого заказал от моего имени и с моего счёта.

Но мне приятнее было думать, что ёршик был украден мелочным козлом!

Я начала восхождение. Лестница жалобно скрипнула под моим весом, словно предупреждая: «Настя, ты сегодня уже достаточно настрадалась, иди съешь пирога и ляг спать.». Но я была упряма. Выше, выше… Пыль защекотала в носу.

— Вот ты где! — я дотянулась до корешка старинного фолианта. Рядом с нужной папкой стоял тот самый монументальный труд: «Свод законов Российской Империи. Издание 1832 года. Том X. Законы Гражданские». Тот самый, о котором я сегодня распиналась перед студентами. Книга была огромная, в кожаном переплете, с медными уголками, толщиной с приличный кирпич. Символично.

В этот момент внизу что-то грохнуло. Наверное, Клавдия Степановна уронила свою кружку, но для моей расшатанной нервной системы этого было достаточно. Я вздрогнула, нога в модельной туфле соскользнула со ступеньки. Лестница, коли ее выносили бы на свет Божий, видавшая, наверное, и Столыпина, издав прощальный стон, решила, что её миссия на этом свете окончена, и начала медленно крениться в сторону.

— Ой… — только и успела выдохнуть я. Мир вокруг обрел странную замедленность. Я видела, как мои пальцы выпускают полку. Видела, как тяжеленный «Свод законов», все эти тысячи страниц прав и обязанностей, соскальзывает с полки вслед за мной.

«Ирония судьбы, — промелькнуло в голове, когда я летела спиной вниз. — Меня убьет то, что я любила больше всего. Юриспруденция девятнадцатого века. Надеюсь, в некрологе напишут: «Погибла под тяжестью знаний.».

Последнее, что я ощутила — это не удар об пол, а тяжелый, весомый удар медного уголка фолианта прямо мне в лоб. Грох! Звёзды в глазах были ярче, чем на Кремлевских башнях.

А потом наступила полная, абсолютная тишина. И пахнуть стало не только пылью, но и…

…уксусом?

— Барыня! Барыню пришибло! Господи, помилуй, Настасья Павловна, очнитесь! — Голос был визгливый, высокий и совершенно незнакомый. И уж точно это была не Клавдия Степановна.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались налитыми свинцом. Голова гудела так, будто внутри поселился небольшой, но очень трудолюбивый кузнечный цех.

— Соли ей! Нюхательной соли! Да не этой, дура. Ту, новую возьми!

Я почувствовала, как под нос сунули что-то настолько рез-

кое и тошнотворное, что мои мозги мгновенно совершили экстренную перезагрузку. Я чихнула так, что, кажется, искры из глаз посыпались снова.

— Очнулась! Очнулась голубушка! — запричитал всё тот же голос. Я всё-таки разомкнула веки. Первое, что я увидела — потолок. Высокий, с лепными ангелочками по углам, но какими-то подозрительно облупившимися. У одного ангела не хватало пухлой ноги, а у другого вместо стрелы в руках виднелась сомнительная трещина. Да, не музей!

Я повернула голову. Рядом со мной стояла женщина. Если бы я снимала фильм про крепостную Россию, я бы взяла её на роль служанки без кастинга: чепец, фартук, доброе, но перепуганное лицо и глаза размером с те самые чайные ложки, которые спёр Игорь.

— Клавдия Степановна? — хрипло спросила я. Мой голос звучал странно. Глухо и как-то… выше, что ли?

— Какая Степановна, матушка? — женщина перекрестилась. — Татьяна я, Татьяна! Ох, довели вас господин граф, довели! Это ж надо — сознание потерять прямо посреди опочивальни! Да ещё и секретер на себя обрушить! С такими длинными руками и ногами надо ровно ходить, не растопыривать их в разные стороны!

«Граф? Опочивальня?» — мой внутренний историк начал медленно подавать сигналы тревоги. Я попыталась сесть и тут же поняла, почему мне так тяжело дышать. Это не был приступ астмы. Это был корсет. Он сжимал мои рёбра так,

будто я была в объятиях профессионального борца, решившего, что я — его главный приз.

— Помоги мне… — просипела я, хватаясь за горло. — Расшнуруй это немедленно. Я сейчас умру.

Татьяна всплеснула руками:

— Что вы, барыня! Днем-то развязываться? А как же приличие? А ежели Анатолий Павлович заглянет?

— Если он заглянет, он увидит мой труп. И это будет очень обидно, особенно мне, — отрезала я, приходя в себя.

Взглянула на свои руки. Они были тонкими, бледными, с идеальным маникюром… вернее, без него. Никакого шеллака «пыльная роза». Просто чистые, аккуратные ногти. На безымянном пальце сияло кольцо — тяжёлое, золотое, с каким-то затейливым вензелем.

Я оглядела комнату. Это не был архив. Это была спальня. Тяжёлые бархатные шторы, огромная кровать с балдахином, который, судя по виду, не чистили со времён нашествия Наполеона, массивный комод и… трюмо. в центре комнаты лежал секретер, который я и зацепила теми самыми длинными руками или ногами. Что за дичь происходит?

— Зеркало, — потребовала я. — Дай мне зеркало!

Татьяна подала мне небольшое серебряное зеркальце. Я посмотрела в него и едва не отшвырнула в ближайшего безногого ангела. Из отражения смотрела женщина лет двадцати. Очень красивая, с огромными темными глазами и бледной кожей. Но это была не я. То есть черты лица напомина-

ли мои, но как если бы меня отфотошопили — убрали следы недосыпа, добавили аристократической чахоточности и завили волосы в нелепые локоны у висков.

— Я Анастасия Павловна Вербицкая, мне почти сорок шесть, я историк, и я сейчас в коме после падения с лестницы! — прошептала я, прислушиваясь к своему, но одновременно чужому голосу.

— Ну да, — подтвердила служанка. — Вербицкая вы по батюшке, светлая ему память. А теперь-то вы графиня Ложкина, хоть и… — она замялась.

— Графиня? — испуг и желание засмеяться родились одновременно в моей голове, но моментально испарились. — Хоть и что? — я прищурилась.

— Хоть и без гроша в кармане, как люди поговаривают, — выпалила Татьяна и тут же прикрыла рот фартуком. — Ой, не слушайте меня, дуру грешную! Это я от расстройства! А «в коме» — это где?

Я медленно поднялась с кровати, чувствуя, как мир вокруг слегка покачивается. В голове начали всплывать обрывки чужой памяти, смешиваясь с моими знаниями истории.

Итак, Настя. Ты в 1830 году. Ты только что упала в обморок или тебя «пришибло» Сводом законов? Ты замужем за неким Анатолем… Графом Анатолием Павловичем Ложкиным!

— Да мы как брат с сестрой… оба Ложкины и оба Палычи, — я истерично засмеялась, прислушиваясь к ощущени-

ям своего тела, отчаянно борющегося сейчас с нахлынувшей к горлу горечью.

Мир поплыл, и я упала обратно. В этот момент дверь в спальню распахнулась так, что ручка ударилась о стену.

Глава 3

— Натали! Душенька! Ну что же вы так некстати в обмороки падаете? — в комнату влетел мужчина. Выглядел он как сошедший с картинки модного журнала того времени, но с лёгким налетом похмельной помятости. Тонкие усики, лихо закрученные кверху, шёлковый халат, накинутый поверх щегольской сорочки. И взгляд… бегающий, лукавый и совершенно пустой.

В голове пронеслось: Анатоль. Мой законный, мать его, супруг. Граф Ложкин. Я не успела и слова сказать, как он присел на край моей кровати, обдав меня ароматом коньяка и сигар.

— Ты меня напугала, право слово. Я уже хотел бежать за доктором, но потом вспомнил, что доктор стоит два целковых за визит. А у нас, как ты знаешь, временные… э-э-э… затруднения. Да и ты оказалась куда крепче, чем секретер: ножку надобно чинить теперь…

Он взял мою руку и попытался поцеловать кончики пальцев. В этот момент внутри меня что-то странно кольнуло. Это не было моим чувством — современная Настя Вербицкая сейчас ощущала только желание дать этому красавчику в глаз. Это была «память тела».

Сердце забилось чаще, в горле встал ком, а в голове мелькк

нул образ: пожилой мужчина в строгом сюртуке. Пришло и понимание, что это отец Насти. Он передает мне тяжелую шкатулку. «Настенька, сохрани… Вербицкие всегда знали цену труду, не дай разорить...». Тревога затопила меня. Холодная, липкая тревога за то, что осталось от отцовского наследства.

— К делу, Анатоль, — отрезала я, вырывая руку. — Зачем пришёл? Граф на секунду замер, удивленно вскинув брови. Видимо, прежняя Анастасия обычно не была столь лаконична.

— О, какой тон! — он картинно рассмеялся. — Вижу, ты оправилась. Я, собственно, зашел попросить тебя об одной маленькой услуге. Понимаешь, сегодня в «Зеленом змие» бенефис несравненной Лоретты. Ну, ты же помнишь, как мы вместе в прошлом месяце восхищались её голосом? Сущий соловей! Бедняжка сейчас в таком стеснении… Ей нужно обновить гардероб для выступления. Ты же не откажешь в поддержке истинному искусству? Всего-то пара сотен рублей. Ты наверняка припрятала что-то из той суммы, что тебе прислал управляющий из имения Вербицких.

Я смотрела на него и не верила своим ушам. Этот наглый тип просит у жены деньги на платье для любовницы, прикрываясь любовью к «искусству»? Причём делает это так непринужденно, будто просит передать соль за обедом.

«Память тела» внутри меня буквально взвыла. Там, в глубине сознания, я видела, как эта Лоретта — вульгарная де-

вица с выбеленным лицом — смеётся над «тихой графиней», пока Анатоль пускает по ветру остатки приданого.

— Искусство, значит? — я медленно прикрыла глаза. Голова действительно начала кружиться. На этот раз от ярости. — Она мне самой нравилась, говоришь?

— Именно! Ты же сама говорила, что у нее редкое… хм… меццо-сопрано, — Анатоль придвинулся ближе, его глаза алчно блеснули. — Ну так как, Натали? Где ключи от бюро?

Имя "Натали" муженек Насти дал ей тоже, по всей видимости, из любви к моде и прекрасному, но сейчас меня бесило и это. Я просто не могла поверить, что со мной такое случилось! Если обстановку и актёров нанять – сущая чепуха, то тело твоё подменить – невозможное мероприятие!

Я почувствовала: если он сейчас не уйдёт, я его либо задушу подушкой, либо наговорю такого, что поеду в одно очень интересное место, где лечат током и прохладной водичкой. Или это не в России так господа лекари души баловались?

— Вон, — тихо сказала я.

— Что, прости? — он замер.

— Вон из комнаты, Анатолий Павлович, — я приложила руку ко лбу и картинно застонала. — У меня мигрень… пульс… озноб, Венера в Близнецах, Прошутто, Просекко, я снова теряю сознание. Таня! Воды! Графа вон, мне душно! — на выдохе выпалила я и, картинно закатив глаза, завалилась на подушку.

— Но, душенька, а как же Лоретта… — начал было он.

— Во-оон! Или я напишу письмо дядюшке в Синод о твоём поведении! — я ляпнула первое, что пришло в голову, связанное с властью. Ложкин изменился в лице. Синод звучал серьёзно.

— Ну-ну, не кипятись. Женские нервы — это ужасно, — он поспешно встал, оправив халат. — Отдохни. Мы поговорим за ужином. Надеюсь, ты будешь в более… разумном расположении духа.

Он вышел, плотно притворив дверь. Я выдохнула.

— Татьяна! — крикнула я. — Иди сюда.

Горничная, которая всё это время жалась в углу, мелко крестясь, подскочила к кровати.

— Тут я, барыня. Водички? Уксуса на виски?

— Лучше бы наливочки, или что тут у вас предпочитают пить барышни с тонкой душевной организацией? Послушай меня внимательно, Таня, — я схватила её за руку. — Я… я очень сильно ударилась головой. У меня всё как в тумане. Я даже себя с трудом помню, не то, что всё остальное. Рассказывай мне всё. Всё как есть! Кто мы, на что мы живём. И что это за… певичка, о которой граф так печётся? И не смей врать, по глазам увижу.

Татьяна побледнела, оглянулась на дверь и шёпотом начала свой рассказ:

— Ох, барыня, грех-то какой… — Татьяна всхлипнула, но, видя мой решительный настрой, начала «сдавать» семейные тайны. — Так ведь все в Петербурге знают, кроме вас,

господь с вами. Граф-то наш, Анатолий Павлович, он ведь как женился на вас три года назад, так сразу и решил, что Бога за бороду поймал. Ваш батюшка, Павел Саввич Вербицкий, царство ему небесное! — он ведь человек был дела. Кирпичные заводы, земли под Тверью… Он вас, единственную дочку, холил и лелеял, а перед смертью всё за вами и закрепил. Думал, муж-граф — это честь, фамилия…

Я слушала, и картинка в голове начала складываться. Мой «папа» из прошлого был кем-то вроде купца первой гильдии, который выслужил дворянство или просто был очень богатым промышленником. А Ложкин — классический «чёрный вдовец» при живой жене.

— Так вот как батюшка ваш преставился, — продолжала Татьяна, — граф-то и развернулся. Сначала он все ваши свободные деньги на скачки спустил. Потом заложил серебро. Сказал, «в дело», а сам в карты проиграл полковнику Завьялову. А уж как эта… Лоретта появилась, — Татьяна сердито шмыгнула носом. — Оперная она, как же! Из кабаре «Зеленый змий» она, барыня. Поёт так, что коты на крыше разбегаются, зато декольте у нее такое, что у графа нашего глаза из орбит вылезают.

В этом месте повествования я положила свои тощие руки на такую не особо выдающуюся грудь. Первый размер. Не разношенный! Конечно, куда Настёнке против бабы из кабаре?

— Он ей и карету купил на ваши деньги, и квартиру на

Мойке снимает. А вам сказки сказывает, что всё в долги идет, что бизнес у него какой-то секретный с французами…

— То есть, — я подбила итог, — мы сейчас фактически банкроты?

— Ну, не совсем, барыня. Завод-то в Усть-Ижоре еще стоит. Управляющий Михалыч, он человек старой закалки, графа на порог не пускает. Говорит: «Только барыне отчёт дам». Граф на него и ругался, и судом грозил, а Михалыч стоит на своём: «Документ покажи, что барыня разрешила.». Вот Анатолий Павлович из вас те подписи и выманивает. Вы же его любите до беспамятства, всё прощаете… Каждое слово его — закон. Он вам скажет, что небо зеленое, вы и радуетесь. А он из вас тянет и тянет.

Заметив, что я спокойно слушаю, Татьяна разошлась не на шутку и выдавала подробно все, что знала. А я только и делала, что подбадривала её, выуживая правду, льющуюся из преданной женщины.

— Можете меня хоть выгнать, но молчать боле не стану, — она замолчала, уставившись на меня и, по всей видимости, ожидая моей реакции.

Я почувствовала прилив такой густой, обжигающей злости, что корсет снова показался тесным. «Ну уж нет, Игорёша… ой, то есть Анатоль, — подумала я. — Анастасия Вербицкая, у которой несколько часов назад обнесли квартиру, вошла в чат. Ты еще не знаешь, что такое настоящий аудит!».

— Татьяна, — я посмотрела на горничную, — у нас в до-

ме остались какие-нибудь документы? Бумаги от управляющего? И где мои ключи от бюро?

— Так под подушкой они у вас всегда, барыня, — прошептала та. — Вы их даже ночью не выпускали, когда спали. Боялись: видно, сердце-то чуяло… Я запустила руку под подушку и нащупала тяжелое металлическое кольцо с ключами. Внутри меня что-то щёлкнуло. Память тела, знание законов и современная ярость соединились в одно целое.

— Таня, — позвала я, чувствуя, как желудок начинает выводить скорбные рулады, — принеси-ка мне ужин. Прямо сюда. И пусть повар не скупится, я чувствую, что готова съесть целого гуся. Или хотя бы половину.

Татьяна всплеснула руками, как испуганная наседка.

— Барыня, помилуйте, какой гусь на ночь глядя? Вам ведь и до этого обморока, в прошлый ещё раз, доктор сказывали — только бульончик курячий да сухарик, чтобы желчь не разыгралась после обморока-то.

— Доктор, Танюша, — я выразительно посмотрела на неё, — видимо, давно не падал со стремянки в двадцать первом… то есть не испытывал такого душевного потрясения. Неси мясо. И что-нибудь горячее. И чаю, только крепкого.

Глава 4

Пока горничная убежала исполнять поручение, я принялась за ревизию своего тела и души. Память тела, о которой я читала в книжках о попаданках (водился за мной такой грех, поскольку помогала одной писательнице правильно оформить исторический роман), начала медленно просыпаться. Я знала, что в третьем ящике комода, под стопкой батистовых платков лежит шкатулка. Я знала, что ключ от неё спрятан в пустой пудренице.

Достав шкатулку, я открыла её. Ну что ж… Картина маслом, причём довольно мрачным и явно прогорклым. На бархатной подложке сиротливо поблескивали жемчужные серьги и пара золотых колец. Где-то здесь должны были быть изумруды — наследство моей матери, те самые, о которых заикался этот «графский недострой» Анатоль. Но их не было.

Видимо, Лоретта уже примерила часть моих активов.

— Ну, сволочь, — тихо констатировала я. — Игорь хотя бы электрочайник украл, а этот фамильные камни на певулек спускает.

Вскоре вернулась Татьяна с тяжелым подносом. Запахло чем-то мясным, пряным и удивительно настоящим. В моём времени жареная курица пахла антибиотиками, а здесь — нажористым жирком и зерновым откормом.

Я ела с аппетитом, который явно не соответствовал образу «трепетной лани». Бульон был крепким, кусок разварной говядины с хреном — просто божественным.

— Рассказывай, Таня, — бросила я, расправляясь с мясом. — Только честно. Отчего у нас на ужин и курица, и мясо, а денег кот наплакал? Где мои камни? Где деньги, которые батюшка оставил на содержание завода?

Татьяна побледнела и начала судорожно оправлять передник.

— Барыня… Анастасия Павловна… Так граф любит три подачи блюд, вы и приказали не спорить! А украшения… Так ведь вы сами… Анатолий Павлович так просили, так улещали. Говорили, что надобно долги чести отдать, а то имя Ложкиных в клубе опозорят. Вы и отдали колье. А на завод он уж год как не заглядывал, говорит: скучно там, дымом пахнет и мужики неотёсанные.

Я чуть не подавилась бульоном.

— «Долги чести»? Это когда в карты проиграл больше, чем стоит среднее имение? Потрясающее определение для бытового идиотизма. Значит так, Таня. С этого момента концепция меняется…

В этот момент дверь снова распахнулась. Анатоль, видимо, успел отхлебнуть чего-то покрепче говяжьего бульона, потому что его глаза блестели ещё ярче, а на лице блуждала та самая самоуверенная улыбка, которая у мужчин обычно предшествует крупному скандалу.

— Натали! Я вижу, аппетит вернулся к вам вместе с румянцем! — он вальяжно прошёл к кровати, игнорируя испуганный реверанс Татьяны. — Это чудесно. Значит, вы в состоянии выслушать моё маленькое предложение. Видите ли, Лоретта завтра дает бенефис…

Я медленно отложила ложку. Вытерла рот салфеткой из тончайшего льна.

— Анатоль, — сказала я, и мой голос прозвучал так низко и спокойно, что даже у Тани тарелки на подносе звякнули. — Скажите мне, а у вашей Лоретты голос хотя бы есть? Или она берёт исключительно «бенефисами» за чужой счет? Граф поперхнулся на полуслове. Его брови взлетели куда-то выше лба.

— Натали… Что за выражения? «Чужой счёт»? Мы одна семья! Ваши средства — это мои средства. И Лоретта — божественное создание, её трели сравнимы с пением райских птиц…

— Райские птицы обычно не требуют изумрудов Вербицких для поддержания тональности, — перебила я его. — Послушай меня, соловей мой расфуфыренный. Я тут полежала, подумала и пришла к выводу, что за три года нашего брака я видела от тебя только счета из клубов и рассказы о твоих «протеже».

Анатоль покраснел, начал багроветь и даже как-то раздуваться.

— Вы… вы не в себе! Обморок дурно сказался на вашем

воспитании. Вы смеете попрекать меня, графа Ложкина, какими-то деньгами?

Я встала с кровати. Тело в расшнурованном корсете чувствовало себя непривычно легким, а ярость придавала сил. Я оказалась выше его на полголовы, и это придало мне ещё больше уверенности. Вышло так, что я нависла над ним, как туча над неурожаем.

— Я смею больше, Анатоль. Я смею констатировать факт: ты — банкрот. Моральный и финансовый. И если ты ещё раз откроешь свой рот, чтобы попросить у меня хоть копейку на свою кабацкую певичку, я сделаю то, о чём в нашем кругу говорить не принято.

— И что же? — он попытался усмехнуться, но губа у него предательски дёрнулась. — Жалобу папеньке напишете? Так он в могиле уже, мир его праху.

— Нет, Анатолий Павлович, — я улыбнулась самой хищной из своих улыбок. — Я подам прошение о расторжении брака. О разводе. Причём по самой постыдной для тебя статье. — В комнате повисла такая тишина, что было слышно, как в саду неуверенно чирикнул какой-то запоздалый воробей. Татьяна в углу, кажется, перестала дышать.

— Вы… вы с ума сошли, — пролепетал Анатоль, пятясь к двери. — Развод? Да это… это невозможно! Женщина не может… Это скандал! На каком основании?!

Я сделала шаг к нему, наслаждаясь моментом.

— На основании прелюбодеяния — это раз. Весь город

знает про твою Лоретту, так что свидетелей я найду в любом кабаке за десятиалтынный. А во-вторых… по причине невыполнения супружеских обязанностей.

У Анатоля отвалилась челюсть. В буквальном смысле. Его лицо из красного стало землисто-серым. В 1830 году женщины не то что такие слова не произносили, они даже думать в эту сторону боялись без разрешения духовника.

— Натали… Как вы можете… Про супружеский… это… — он заикался, беспомощно разводя руками. — Это же неприлично! Вы — барыня! Графиня! Вы должны… краснеть при одной мысли!

— А я не краснею, Толя, — я перешла на вкрадчивый шепот. — Я считаю. Три года брака — и ни одного ребенка. Пусто. Глухо, как в твоём кошельке. Согласись, консистория очень заинтересуется фактом, почему граф Ложкин так усердно «тренируется» в кабаре, но совершенно не способен обеспечить наследника собственной жене. Как думаешь, что о твоей мужской силе заговорят в клубах, когда моё прошение начнут зачитывать вслух?

Анатоль схватился за сердце. Кажется, я попала в самую больную мозоль дворянского самолюбия. Лишиться денег неприятно. Быть осмеянным, как муж и мужчина — это социальная смерть.

— Вы чудовище, — прошептал он. — Вы не моя Натали. Моя Натали только плакала и давала ключи от секретера…

— Ваша Натали сегодня ударилась головой и наконец-то

пришла в сознание, — отрезала я. — А теперь — пошёл вон. К Лоретте, к воробьям, хренам собачьим, к чёрту на кулички — мне плевать. Но чтобы в моей спальне я тебя больше не видела без моего официального приглашения. И запомни: скоро я еду на завод. И если я узнаю, что ты продал там хотя бы одну тачку кирпича без моего ведома, прошение о разводе ляжет на стол митрополиту в тот же вечер.

Анатоль вылетел из комнаты так, будто за ним гнались все кредиторы Петербурга одновременно. Дверь захлопнулась с такой силой, что со стены упала гравюра с изображением какой-то унылой овечки. Я выдохнула и обернулась к Татьяне.

Горничная смотрела на меня с таким выражением, будто я только что на её глазах превратилась в дракона, причём трёхглавого.

— Ну, чего застыла, Танюша? — я снова уселась на кровать и потянулась к чаю. — Убирай посуду. Завтра у нас великий день. Будем разбираться, к чему привело нас вот такое житие…

— Барыня… Анастасия Павловна… — Таня, наконец, обрела дар речи. — Да как же вы… про долг-то этот… про дитёв… Ой, мамочки, ведь ославят же!

— Пусть славят, — я сделала глоток чая. — В наше время, Таня, репутация — это либо щит, либо мишень. Я решила, что мой щит будет сделан из характера. А граф… граф пусть привыкает. Это только начало его персонального ада.

Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри разливается стран-

ное удовлетворение. Да, у меня нет микроволновки, нет интернета и нет моих любимых кроссовок. Зато у меня есть закон, который я знаю лучше любого стряпчего в этом городе. И ещё какой-то заводик…

— И запри дверь на засов, — добавила я, засыпая. — Не хватало ещё, чтобы Толян ночью явился исполнять то, чего нам отныне не требуется. Господи, неужто я ещё и девственница? Везучие мы с тобой, Настасья, ой, везучие...

Глава 5

Проснулась я не от будильника, не от вибрации телефона под подушкой и даже не от привычного гула улицы под окном. Меня разбудил свет — наглый, плотный, пробивающийся сквозь полотно тяжёлых штор, словно он лично вознамерился доказать, что меня ждёт что-то прекраснее привычного.

И доказал: я впервые за последние годы не чувствовала, как затекла шея, и даже не пришлось переворачиваться на спину поаккуратнее, чтобы не защемило поясницу.

Когда пришло понимание и память, наконец, подкинула историю вчерашнего, я, естественно, сначала не поверила. Всё казалось сном, но, открыв глаза и посмотрев в потолок, я осознала масштаб катастрофы. В моём времени я была специалистом в области истории, практичной и умной женщиной, если не считать совершенного неумения разбираться в людях. Особенно в мужчинах!

На практике же оказаться внутри учебника истории — это как если бы вы всю жизнь изучали анатомию по атласам, а потом вас внезапно заперли в операционной и велели провести трепанацию черепа.

Тело чувствовало себя странно. Это была не моя привычная оболочка, измотанная недосыпом и кофеином. Это бы-

ла Настя Ложкина, молодая женщина с неприлично тонкой талией и какой-то странной пугающей пластикой. И самое жуткое — память тела. Она не спрашивала разрешения. Она врывалась в сознание яркими вспышками, как старый диапроектор, который кто-то включил в моей голове на полную катушку.

Я села, опустив ноги на пушистый, изумрудного цвета ковёр. В комнате было прохладно, пахло какой-то цветочной отдушкой, воском. Встав, подошла к высокому комоду. Рука сама потянулась к третьему ящику. Я даже не думала — пальцы знали, за какой резной уголок потянуть. Под стопкой батистовых платков, едва ощутимых, как паутинка, лежала шкатулка. Морёный дуб, инкрустация перламутром. Я знала, что ключ в пустой пудренице. Щелчок — и передо мной развернулась картина моего финансового краха. Жемчуг, пара колец. И пустота там, где должны были лежать изумруды моей матери.

— Сволочь, — тихо выдохнула я. — Видимо, сволочи – моя карма, которую я должна отработать. И только когда всё сделаю правильно, перейду на следующий «уровень» этой замечательной игры под названием «жизнь».

Накинув шёлковый халат — вещь безумно дорогую, но совершенно бесполезную с точки зрения согрева, я почувствовала себя не меньше, чем королева. В голове снова защёлкало: просто делай не так, как делала всегда, не так, как делала ты и эта Настя!

В коридоре было тихо, и я совершенно спокойно прошла до лестницы. Память выплеснула картинку: их свадьба. Вот эта лестница, залитая светом тысяч свечей. Я вижу себя в зеркале — сияющую, глупую, влюбленную по самые уши в этот «графский недодел». Я верила, что он мой рыцарь, что он спасёт от одиночества и страха за своё будущее.

Мне казалось, что жизнь в столице будет похожа на вечный бал. Но карета быстро превратилась в тыкву. Я видела, как радость сменяется ожиданием его шагов вечерами. Как мой мир сужался до размера его прихотей. Брак стал моей личной тюрьмой, где охранник — самовлюбленный игрок, а я лишь приложение к его гербу.

Отец умер почти сразу после венчания. Словно сердце старика отключилось сразу после того, как он передал свою единственную дочь в «надежные» руки. Я не понимала, зачем граф женился на дворянке много ниже статусом. Видимо, хозяйка моего нового тела не особо заботилась логическими измышлениями.

Завод в Усть-Ижоре… единственное мое наследство, теперь медленно загибался под «мудрым» руководством мужа, даже не ведающего, чем отличается красный кирпич от огнеупорного.

А потом появилась Лоретта. О ней трезвонили на каждом углу. «Граф развлекается», — говорили в гостиных, прикрываясь веерами. А я? Я просто умирала от позора. Говорить об этом вслух было нельзя — это значило окончательно по-

терять лицо. Я тряхнула головой, пытаясь сбросить это оцепенение. Сейчас я не та забитая Натали. У меня за плечами багаж знаний из XXI века. А ещё хоть и слабенькие ручки, но и Анатоль совсем не качок, да к тому же и коротышка!

Нужно было выйти на свежий воздух. Я толкнула дверь на балкон, а затем, повинуясь какому-то порыву, спустилась вниз по чёрной лестнице. Мне хотелось ощутить землю под ногами. Утро в Петербурге было туманным, влажным, но тёплым.

Я обошла стену дома и поднялась на залитое утренним солнцем крыльцо в одном халате, босиком. Камень был прохладным, но это возвращало меня в реальность. Перед домом раскинулся сад — строгий, выверенный, дорогой. Я стояла, вглядываясь в серую дымку, и сожалела, что не смогу, вероятно, вернуться назад, чтобы доказать существование загробной жизни. А она вон какая!

— Какого черта вы тут делаете в такую рань, милостивая государыня? Да еще и в подобном… непотребном виде? — голос позади был сухим, но не старческим.

Я вздрогнула так, что едва не свалилась с крыльца. Резко обернувшись, наткнулась на взгляд, который мог бы заморозить даже кипящий самовар. За спиной стояла женщина. Если бы я увидела её в архиве на портрете, то бы долго изучала детали её туалета. Ей было глубоко за восемьдесят, но спина была прямой, как ствол винтовки. На ней было шикарное строгое платье цвета переспелой вишни, на голове невероят-

ная шляпка со страусиными перьями, которые чуть подрагивали на ветру, а руки в белоснежных перчатках покоились на ручке ридикюля. Перчатки в такую рань! В саду!

Она стояла без палочки, совершенно неподвижно и смотрела на меня так, словно я какое-то насекомое, имевшее наглость заползти в императорскую ложу.

Память тела?.. Она предательски молчала. В моей голове не всплыло ни единого имени, ни одной ассоциации. Видимо, слишком уж я погрузилась в представление моего возвращения в привычное мне время и привычную жизнь – даже почувствовала тяжесть кружки с кофе, запах из приоткрытого окна.

Я просто видела перед собой очень властную и очень рассерженную старуху. В моём времени таких называли «Old money» с приставкой «опасно для жизни». Внутри закипало чисто современное раздражение. Я взрослая женщина, я только что пережила перенос во времени и крах надежды на достоинство моего тупого мужа. И какая-то бабушка в перьях будет меня отчитывать на моём же крыльце?

— Не ваше дело, — отрезала я, скрестив руки на груди. Халат предательски распахнулся, явив белоснежную ночную сорочку, но я только выше задрала подбородок. — Я в своём доме могу ходить, где хочу, в чём хочу и когда хочу. Если вам не нравится вид, закройте глаза.

Старуха медленно, очень медленно приподняла одну бровь. Кажется, в этот момент где-то в недрах дома треснуло

зеркало от такого уровня дерзости. Она ничего не ответила, лишь слегка пошевелила пальцами в перчатках, словно отгоняя назойливую муху, и отвернулась, продолжая свой обход сада с достоинством правящего монарха.

Я, не дожидаясь продолжения банкета, развернулась и почти бегом бросилась обратно в дом. Но уже через центральный вход. Пятки болели от холода, сердце колотилось где-то в горле.

В комнате меня уже ждала Татьяна. Бедная горничная выглядела так, будто увидела привидение. Она суетно поправляла постель, но стоило мне войти, как она выронила наволочку.

— Анастасия Павловна! Вы что же это… прямо в халате из комнаты? Господи, а если кто увидит? А если граф узнает? — она подбежала ко мне, пытаясь закутать в шаль.

Я опустилась в кресло, чувствуя, как меня начинает потряхивать то ли от холода, то ли от адреналина.

— Тань, — я посмотрела на неё максимально серьезно. — Перестань кудахтать. Лучше ответь мне: кто эта хамка внизу? Ну, та пожилая дама, разодетая так, будто она прямо сейчас едет на аудиенцию к царю?

Татьяна замерла. Её лицо из бледного стало землистым. Она мелко перекрестилась. — Анастасия Павловна… — прошептала она, подходя ближе. — Твой удар по голове, видно, и вправду оказался не таким уж незначительным, как лекарь сказывал. Ты что же… ты вправду не признала её?

— Не признала, — припечатала я. — Говори.

— Так это же тётушка Анатолия Павловича, графиня Аглая Фёдоровна! — Татьяна всплеснула руками. — Она же приехала вчера к вечеру, когда вы еще в беспамятстве были. Она в этом доме хозяйка похлеще графа, её все боятся до икоты. Она же… она же может Анатолия Павловича наследства лишить в один миг, если ей что не по нраву станет!

Я закрыла глаза. Отлично. Просто великолепно. Я только что нахамила единственному человеку, который, судя по всему, держит за горло моего муженька-игрока. Прекрасное начало новой жизни.

— Таня, — я схватила её за руку и заставила посмотреть мне в глаза. — Слушай меня внимательно. То, что я сейчас скажу — наша общая тайна. Если она выйдет за пределы этой комнаты, нам обоим будет очень плохо. Поняла?

Девушка часто закивала, её глаза расширились от ужаса.

— У меня… провалы в памяти. Я помню завод, помню отца, помню тебя. Но лица людей, имена, родственные связи — всё как в тумане. Я могу не узнать лучшую подругу или собственного мужа. Ты должна мне помогать. Если кто-то входит, шепчи мне, кто это. Рассказывай всё, что знаешь. Никому, слышишь, никому ни слова о моем состоянии.

— Ни за что, барыня, — горячо зашептала Татьяна, прижимая руки к груди. — Вы же мне как сестрица с детства… Я за вас и в огонь, и к тётушке этой страшной под горячую руку. Матушка ваша покойная просила присматривать… Не

выдам, вот крест истинный!

— Хорошо, — я выдохнула. — А теперь неси завтрак. И побольше. Мне нужны силы. И расскажи мне всё про Аглаю Фёдоровну. Что она любит, чего боится и почему она в перьях в семь утра. Татьяна кивнула и попятилась к дверям, а потом, будто вспомнив что-то, добавила: — Дык… завтрак в девять. И по комнатам тут не носят – хозяйка ругает. Все обедают только в столовой! Это вы вчера не могли, дак… я упросила Аглаю Фёдоровну и всё сюда принесла. Она жуть какая недовольная была!

— Да, ситуация все «лучше и лучше». Ладно, а хлеба или булочку какую… сможешь в кармане пронести? В желудке урчит, сил нет. И чая горячего. Очень хочется, Танюша, — протянула я с жалобными нотками, на что голосок Насти был будто специально приспособлен.

— Чай хоть ночью можно, а булку я, так и быть, принесу в полотенцах! Жди, голубушка, — в глазах женщины моментально отразилась вся забота и вся любовь, обращенная ко мне. Теперь уже ко мне!

Глава 6

Татьяна вплыла в комнату с горой полотенец в одной руке и кружкой чая в другой. Эта умница догадалась налить чай в большую щербатую глиняную кружку, а не в малюсенькую чайную. Но главное, она принесла с собой аромат. Это был запах настоящей свежей выпечки. Никаких улучшителей теста, никакой заморозки — только мука, масло и жар печи.

В моём времени так пахло разве что в очень дорогих крафтовых пекарнях, и то там всегда подмешивался запах пластиковых стаканчиков. Здесь же аромат был густым и сытным.

Когда кружка перекочевала в мои руки, она вынула из полотенец две пышные булочки с маком. Они были присыпаны крупным сахаром, который заманчиво поблескивал в лучах солнца, но не горячими, видимо, вчерашними.

— Вот, барыня, — прошептала Таня, — подкрепитесь маленечко. Повар только-только свежий хлеб поставил, так я успела вчерашних умыкнуть, пока они не совсем подсохли. Чай крепкий, как вы любите.

Я не стала ломаться. Смерть, а я уже решила, что именно это произошло со мной в архиве, и последующее переселение души требуют колоссальных калорий. Первую булочку я уничтожила секунд за сорок, запивая сладким, почти сироп-

ным чаем. Вторая последовала за ней с той же решительностью.

Я знала, что дворянки той эпохи должны были «клевать как птички», но как женщина, выросшая на бизнес-ланчах и привычке есть на бегу, я понимала: на пустой желудок революцию в отдельно взятом поместье не устроить. «Как птичка» только и может… правильно выразился Толик: «плакать и давать ключи от секретера». А в мои планы такое вот поведение больше не входило.

Татьяна, наблюдавшая за процессом моментального исчезновения хлебобулочных изделий, медленно округляла глаза. Когда я смахнула последнюю крошку, она не выдержала:

— Матушка, Анастасия Павловна! Вы же… вы же и за неделю столько хлеба не съедали. Я думала, вторую сама доем… А завтрак как же? Там ведь накрывают уже…

— Завтрак, Танечка, — я хмыкнула, чувствуя, как по телу разливается благостное тепло, — это мероприятие социальное. А булочки — это вопрос выживания. Мне силы нужны. Мяса бы, конечно, не помешало, но пока и глюкоза сойдёт.

Таня только перекрестилась, решив, видимо, что мой удар головой привёл к какому-то особому виду пищевого безумия.

— Так, — я решительно встала. — Давай приводить меня в божеский вид. Только никаких «вавилонов» на голове. Мне нужно что-то простое и удобное.

Начался процесс, который в моих глазах выглядел изощренной пыткой. Татьяна, привыкшая к покорности прежней Настеньки, попыталась было соорудить на моей голове некую конструкцию из локонов и шпилек, напоминающую гнездо обезумевшей от количества строительного материала аистихи.

— Нет, — отрезала я, глядя в зеркало. — Таня, я не иду на бал к императору. Собери это всё в простой аккуратный пучок. Низко, на затылке. И чтобы ни одна шпилька не впивалась мне в мозг.

— Но, барыня… — робко пискнула она. — Так ведь не носят…

— Теперь носят. Это мода скоро захватит весь Петербург. Поверь.

Со скандалом, но мой вариант причёски победил. Теперь отражение в зеркале выглядело более строго и… по-деловому, насколько это вообще возможно в 1830-м. Но впереди ждал главный враг — корсет.

— Нет, — сказала я, когда увидела эту костяную конструкцию.

— Что значит «нет»? — Татьяна опешила. — Анастасия Павловна, без него и платье не сядет, и… и вообще позор! Как без хребта-то выйти?

— У меня свой хребет имеется, железный, — проворчала я.

Мы бились минут десять. Я аргументировала вредом для

лёгких и общим гуманизмом, Татьяна взывала к приличиям и тому, что «граф разгневается». В итоге победил прагматизм: платье действительно было сшито под этот «экзоскелет», и без него я болталась в лифе, как карандаш в стакане.
— Ладно, — сдалась я. — Но затягивай так, чтобы я могла дышать. И не только верхней третью лёгких!

Когда корсет был зашнурован, я почувствовала себя запечатанным конвертом. Ощущение было такое, будто меня обнял очень сильный и очень недружелюбный медведь. Но осанка… Осанка стала такой, что любой артист балета обзавидовался бы. Пришлось смириться.

Спустившись вниз, я направилась в столовую, следуя прямо за своей спасительницей – благо, она знала, куда идти. Мне пришлось бы поискать ещё это место, поскольку строители этого времени так сильно любили коридоры и распашные двери…

Дом, который утром казался мне лабиринтом, теперь обретал черты. Шикарная столовая поражала избыточностью: тяжелая лепнина, дубовые панели, огромный стол, за которым можно было бы проводить заседания ООН.

За столом уже сидели двое. Мой вчерашний новоиспечённый «муженёк» Анатоль и та самая почтенная дама с выправкой гвардейского полковника. Анатоль при моем появлении поджал губы и бросил короткий колючий взгляд на тётку. Было ясно: он уже успел наплакаться в её шикарный жилет на мою внезапную дерзость.

Тетушка же окинула меня взглядом опытного оценщика антиквариата — холодно, профессионально и с явным неодобрением. Я внутренне поморщилась. Утром на крыльце я явно перегнула палку, заявив права на дом. Но, с другой стороны, в этом змеином гнезде лучшая защита — это нападение. Если я сейчас начну извиняться, меня просто съедят под соусом из приличий.

— Доброе утро, — произнесла я максимально нейтрально, занимая своё место, к которому подвела Таня. Супруг не соизволил помочь с тяжеленным стулом. Служанка справилась сама.

Тётка только едва заметно кивнула, не удостоив меня словом. Анатоль же демонстративно уткнулся в свою тарелку. Однако, увидев стол, я чуть не забыла про этикет. Боже, какой аромат! Настоящий праздник живота!

На больших блюдах красовалась сочная розовая буженина, от которой ещё шёл пар. Рядом — ломти золотистого сыра, варёные яйца в фарфоровых подставках и гора тех самых булочек с корицей, запах которых заполнил всю комнату. Я вспомнила свои утренние булочки и поняла, что это была лишь разминка.

Каша в серебряной миске выглядела волшебной: густая, томлёная, с куском настоящего сливочного масла посередине. Я зачерпнула ложку, и мир на мгновение сузился до блаженства. Никаких ГМО, никакой сои. Чистый восторг. Толик и тётушка молчали, обмениваясь лишь многозначитель-

ными взглядами.

Я же, игнорируя напряжение в комнате, сосредоточенно «оприходовала» буженину, яйцо, первую, вторую булку и потянулась за третьей. Тут я заметила, что брови сотрапезницы поползли вверх, стремясь встретиться с её высокой причёской.

Кстати о причёсках. Женщина уже переоделась. То утреннее платье, видимо, действительно считалось «домашним», хотя в нём можно было открывать сессию парламента, а нынешнее… Наряд был расшит таким количеством кружева, что у меня перед глазами заплясали белые мушки. Сама дама была похожа на статую из слоновой кости: 80 с лишним лет, а кожа натянута так, что ни одной лишней морщинки, лицо — чистый бетон. Покерфейс восьмидесятого уровня.

— Ну и? — вдруг скрипучим, но властным голосом спросила она. Я подняла на неё глаза, продолжая жевать булку.

— Что? — с искренним непониманием переспросила я. Анатоль тут же вскинулся, точно ждал сигнала:

— И как вот с этим жить, тётушка? — плаксиво растягивая слова, проговорил он, указывая на меня вилкой. — Вы посмотрите, она же… она же ведёт себя, как торговка из Охотного ряда! Где та кротость? Где уважение к старшим? Как вы прикажете мне поступить с супругой, которая потеряла не только память, но и остатки воспитания?

Я замерла с булкой в руке, ожидая вердикта. Эта женщина явно была здесь главным боссом. Если она сейчас скажет:

«в монастырь», мне придётся очень быстро бежать до Усть-Ижоры лесами, болотами и прочими топями. И для этого мне потребуются силы. Поэтому к булке я вернулась.

Но ответить племяннику Аглая Фёдоровна не успела. Дверь столовой бесшумно отворилась, и вошел дворецкий — величественный старик, который выглядел солиднее самого Анатоля. В руках он держал серебряный поднос с письмом.

— Аглая Фёдоровна, — произнёс он с глубоким поклоном. — Письмо из дома Дибровых. Посланник велел передать, что ответ надобно дать незамедлительно.

Тётка величественно приняла конверт. Дворецкий, словно профессиональный факир, лёгким движением вынутого из кармана ножика вскрыл бумагу и подал письмо ей в руки.

— Развернуть не нужно? — недовольно буркнула она, но письмо взяла и погрузилась в долгое чтение. Я не сводила с неё глаз.

Мим бы позавидовал такой выдержке: ни один мускул не дрогнул на лице, глаза лишь скользили по строчкам. У бабы был такой «покерфейс», что против неё в Лас-Вегасе не выстоял бы ни один профессионал. Тонкие, плотно сжатые губы, прямой, словно выточенный из камня нос и холодные серые глаза под тяжёлыми веками.

Аглая Федоровна была женщиной-скалой.

Наконец она сложила письмо.

— Сегодня мы едем в гости. Все трое. В семь вечера, —

возвестила она, и голос её не допускал возражений. Это был приказ царицы. Повернувшись к дворецкому, она добавила: — Сообщи, что мы будем. А ты… — она посмотрела на меня. — Я сама распоряжусь, во что тебя одеть. Твои последние вкусы вызывают у меня опасения за репутацию семьи.

— Дибровы? — осторожно, с оттенком какой-то затаённой тревоги спросил Анатоль.

— Они, — Аглая Федоровна, наконец, посмотрела на племянника. — Только… что-то мне подсказывает, Анатоль, что ты этому визиту не рад.

Её губы тронула едва заметная, но абсолютно ехидная улыбка. Я внутренне выдохнула. Ага! Значит, наш «мамкин угодник» чего-то боится, а тётушка с удовольствием это наблюдает. Диспозиция становилась интереснее.

— Что вы, тётушка… — пролепетал мой непутёвый муж, сдуваясь на глазах. — Если вы считаете, что так нужно…

«Мамкин угодник, — пронеслось у меня в голове. — Чистой воды маменькин сынок, только с поправкой на возраст и наличие бакенбард.».

Губы мои сами собой расплылись в ухмылке. Мне стало искренне весело.

— Тебя что-то смешит? — моментально среагировал Толик. Его тон разительно отличался от того лебежения, которое он только что демонстрировал тётке. Со мной он снова стал маленьким домашним тираном. — Я не узнаю тебя, Натали… Ты ведёшь себя крайне странно. Этот смех, этот ап-

петит, эти… неприличные намёки...

Я отложила остатки булочки, вытерла руки салфеткой и посмотрела ему прямо в глаза.

— Анастасия! — спокойно, но свинцово-твёрдо произнесла я. — Меня зовут Анастасия Павловна. Забудь это «Натали». Оно мне больше не идёт. Никакой Натали больше нет, Анатоль. Есть твоя жена, которая, возможно, начала видеть вещи такими, какие они есть на самом деле.

Лицо Анатолия начало медленно менять цвет — от бледно-жёлтого до пятнисто-пурпурного. Кадык на шее судорожно дёрнулся, рот приоткрылся, чтобы что-то выкрикнуть. Но взгляд наткнулся на ледяное, почти заинтересованное внимание Аглаи Федоровны.

Тётушка молча наблюдала за сценой, и в её глазах, кажется, впервые за утро, промелькнуло нечто похожее на любопытство и… уважение. Или, по крайней мере, на развлечение.

— Анастасия, значит? — скрипнула она. — Что ж… Посмотрим, милочка.

Глава 7

Это был тот самый момент, когда социальные роли в столовой распределились чётче, чем позиции полков в Бородинском сражении. Я сидела, сжимая в руке серебряную ложку, и чувствовала, как внутри закипает праведное негодование современной женщины, помноженное на профессиональный цинизм.

Я улыбнулась Аглае в ответ. Впереди был вечер в «свете», корсет, который будет меня душить, и куча людей, которых я не знаю. Но это было лучшим, что могло произойти: так я скорее войду в понимание происходящего вокруг, чем сидя в своей комнате.

— Филипп! — голос Аглаи Фёдоровны прозвенел, как удар хрусталя о мрамор. Она даже не повернула головы: просто бросила приказ куда-то в сторону массивных дубовых дверей, за которыми скрывались слуги.

Дворецкий появился мгновенно, словно материализовался из воздуха по первому зову. Пожилой, с лицом, напоминающим засушенную сливу, но с такой выправкой, что любой гвардеец обзавидовался бы.

— Накормите её хорошенько перед выездом, — бросила хозяйка, небрежно указывая на меня веером, который держала в руке, как скипетр. — Чтобы мне не пришлось крас-

неть на ужине. А то, судя по её сегодняшнему аппетиту, она готова съесть и хозяев, и их фамильное серебро. Я хотела бы надеяться, что столь большая жадность к еде вызвана наличием в её чреве младенца.

Мне даже не потребовалось смотреть в сторону муженька, который и без того отреагировал на замечание тетушки таким сапом, как будто пробежал километра три.

— Хорошо, сударыня, — Филипп ответил с глубоким поклоном. Он даже не взглянул в мою сторону. Для него я в этот момент была не живым человеком, не хозяйкой дома, а досадным обременением, объектом, который нужно «заправить» калориями, чтобы он не сломался в неподходящий момент.

Меня словно током ударило. «Её»? В третьем лице? В моём присутствии? Знаете, в моём времени за такое можно было получить ироничный пост в соцсетях или, как минимум, очень холодный взгляд. Но здесь это было нормой сословного высокомерия. Однако я была не той Настенькой, которая привыкла обтекать под взглядами родственников.

— «Её»? — я медленно отложила ложку, и звук металла о фарфор в наступившей тишине прозвучал как выстрел. — В этом доме меня теперь называют не по имени и даже не обращаются ко мне напрямую, а говорят обо мне в третьем лице, будто я предмет мебели, который нужно протереть от пыли перед приёмом гостей? Хорошо, — я повернулась к Аглае Фёдоровне, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно,

но весомо. — Я подумаю над этим форматом общения. Возможно, мне тоже стоит начать называть вас «достопочтенной реликвией» в разговорах со слугами? Благодарю за заботу о моём рационе. И... простите за мой утренний перформанс на крыльце. Считайте это избытком жизненных сил, которые наконец-то нашли выход.

Аглая Фёдоровна замерла с чашкой у губ. В её глазах, обычно холодных и непроницаемых, мелькнула искорка… нет, не гнева. Это был азарт. Так смотрят на старую, давно знакомую лошадь, которая внезапно решила перепрыгнуть через забор высотой в два аршина.

— Ничего я не обижена, — медленно произнесла она, ставя чашку на блюдце с идеальным, едва слышным стуком. — Ты права, Настя, ты и правда в своём доме. Но выходить в исподнем на крыльцо… Это даже для «избытка сил» чересчур. В Петербурге такие новости разлетаются быстрее, чем тиф в трущобах.

— Она вышла на крыльцо? В исподнем?! — Анатолий, до этого момента изображавший оскорблённое достоинство за тарелкой каши, буквально подпрыгнул на стуле. Его лицо, и без того не отличавшееся мужественностью, пошло красными пятнами. — Натали, вы окончательно лишились рассудка? Боже мой, если об этом узнают в клубе… Моя репутация! Моё имя! — он повернулся к тётке, ища поддержки.

Но она просто посмотрела на него тяжело, сверху вниз, хотя они сидели на одном уровне. Анатолий будто сдулся. С по-

правкой на физику — он словно стал еще меньше ростом, его плечи подобрались, а возмущённый возглас застрял в горле, превратившись в невнятное бульканье. Я смотрела на эту мизансцену, и внутри лопнула тонкая, натянутая до предела нить страха. Та самая, которая шептала: «Молчи: ты здесь чужая, тебя запрут в сумасшедший дом.».

Аглая Фёдоровна не любила, когда её перебивали. И, что более важно, она, кажется, совершенно не уважала своего племянника. Да, она вела себя как самодержавная царица, её манеры были продиктованы столетиями сословной спеси, но она не была самодуром. В холодности дворянки чувствовался интеллект — острый, как скальпель, и такой же непредвзятый.

Едва я успела переварить триумф за завтраком и вернуться в свои покои, меня свалил сон. Конечно, такое количество еды явно не предполагало активную жизнедеятельность, но я всё сваливала на травму и недомогание после болезни.

Когда в комнату впорхнула Татьяна, я сладко потягивалась, обдумывая варианты прогулки. До вечера было ещё далеко. В руках служанка бережно несла нечто, упакованное в чехлы, а за ней следовала еще одна девчонка пониже, которая тащила коробки с обувью и какими-то лентами.

— Графиня велела передать, — запыхавшись, отрапортовала Таня, — что вечер у Дибровых — это вам не чаепитие у модистки. Велели надеть вот это.

Она рывком освободила платье от чехла, и я невольно за-

таила дыхание. В моем времени исторические платья в музеях часто выглядели пожухлыми и тесными, но это… Это был шедевр. Глубокий сапфировый цвет шёлка при дневном свете казался почти чёрным. При свете свечей он отливал благородной синевой. Никаких «безе» из лишних рюшей, никакой аляповатой отделки — только безупречный крой, подчёркивающий плечи, тончайшее чёрное кружево по вырезу и рукавам. Аглая Фёдоровна при всей своей ледяной натуре обладала вкусом, который в наше время назвали бы «тихой роскошью».

— Ну что ж, — прошептала я, чувствуя, как внутри просыпается азарт. — С таким «бронежилетом» можно и в бой. Но когда дошло до обуви, мой боевой настрой наткнулся на… тапочки. Татьяна с гордостью извлекла из коробки туфельки, которые больше всего напоминали балетки из дисконт-центра: плоская подошва, тонкая кожа, тесемки.

— Таня, — я подозрительно посмотрела на эту обувь. — А где каблук? Хоть какой-нибудь? Как те домашние туфли, в которых я сегодня спускалась к завтраку? К слову о еде — есть хотелось неимоверно. Обед в этот день почему-то отменили из-за суеты перед выездом, Филипп не прислал мне перекус, который велела подать хозяйка дома. А завтрак давно испарился в топке метаболизма. Желудок жалобно намекал, что готов съесть тесёмки от этих самых туфель.

Татьяна замерла с тапком в руке, глядя на меня так, будто я попросила её принести мне пачку чипсов.

— Так ведь… Анастасия Павловна, милая. Вы же сами всегда велели — только плоские. Вы ведь Анатолия Павловича и так на полголовы выше. Куда же ещё больше-то? Вы как выпрямитесь, так он вам аккурат в подбородок дышит. Забыли, как вы на прошлом выходе причёску пониже делали и горбились, чтобы граф не конфузились?

Я хмыкнула. Память тела молчала, но логика историка закричала: «Эврика!». Вот почему Настенька ходила вечной тенью: она просто не хотела ранить хрупкое эго своего недомерка-мужа.

— План меняется, Таня, — отрезала я. — Сегодня у нас вечер доминирования, а не супружеской скромности. Тащи туфли на самом высоком каблуке, какой только найдётся в моих закромах. И причёску… сделай её высокой. Максимально высокой. Хочу видеть макушку Анатоля с высоты птичьего полета.

— Барыня, помилуйте! — Таня всплеснула руками. — Да он же взбеленится! Он же на вас зыркать будет, как сыч на мышь!

— Пусть зыркает, — я решительно встала перед зеркалом. — Корсет затягивай, но без фанатизма, мне ещё нужно место для ужина у Дибровых. И не спорь. Сегодня я хочу чувствовать себя не «деревенской девкой», а Эйфелевой башней этого города.

Татьяна умоляла, крестилась и причитала, но ослушаться не посмела. Вот тогда-то я выяснила, что время уже сильно

за полдень, и собираться нужно начинать прямо сейчас. Спорить смысла не было, ведь она лучше знала, сколько времени занимают сборы.

Через какие-то три часа трансформации я выглядела… уставшей, но внушительной. Прическа из локонов, уложенных в высокую пирамиду, добавила мне добрых пять сантиметров. А туфли на устойчивом каблуке превратили меня в настоящую амазонку. Платье пришлось распускать снизу – видимо, оно и было подшито по причине моего угождения Толяну.

Даже корсет, против которого я билась до последнего, на этот раз служил благой цели: он держал спину так, что казалось, будто в меня вшили стальной рельс.

— Сударыня велела передать, — в дверь постучала служанка Аглаи, — что карета подана. Ровно через десять минут вы должны быть в возле нее.

Когда я спустилась, в холле уже стояли Анатоль и Аглая. Муж, затянутый в мундир так плотно, что его щёки напоминали два спелых томата, сначала окинул меня дежурным критическим взглядом. А потом его глаза медленно поползли вверх. И еще выше. До самой верхушки моей причёски. Он явно почувствовал себя ещё ниже, чем был на самом деле. Казалось, он прямо на глазах съёжился, как как накрахмаленная ажурная вазочка, случайно облитая водой.

— Натали… что это? — выдавил он, глядя на мой «рост» с плохо скрываемым ужасом. — Зачем эта… колокольня на

голове? И вы… вы что, надели каблуки?

Я лишь ослепительно улыбнулась ему сверху вниз:

— Просто решила, что в Петербурге слишком высокая влажность, Анатоль. Хочу дышать более чистым воздухом, который циркулирует повыше.

Я перевела взгляд на Аглаю Фёдоровну. Старая графиня была в своем репертуаре: идеальное платье, суровое лицо и… едва заметная улыбка. Нет, это была не улыбка поддержки, а настоящая улыбка Моны Лизы — загадочная, опасная и явно предвещающая что-то захватывающее. Она словно смотрела не на неожиданно строптивую жену племянника, а на удачный эксперимент в своей личной лаборатории. Поняла ли она мой манёвр? Однозначно. Одобрила ли? Пока оставалось тайной.

Мы загрузились в карету. Анатоль сидел напротив, нервно теребя перчатки и стараясь не смотреть мне в глаза. Аглая величественно молчала. Карета застучала колёсами по каменной дороге, а потом и по мостовой. Я прильнула к окну, жадно впитывая виды.

Петербург 1830 года был похож на огромную стройку и декорацию одновременно. Знаменитое «строгий стройный вид» уже проглядывало сквозь леса и нагромождения кирпичей и камня. Город пах речной водой, конским навозом и дымом из труб. Дома, мимо которых мы проезжали, казались мне — человеку из будущего — какими-то чересчур яркими, почти игрушечными в своей свежей покраске.

— Натали, умоляю вас, — вдруг прервал тишину Анатоль, — не ведите себя у Дибровых, как сейчас… Вы будто деревенская девка. Не нужно смотреть на всё с таким удивлением. Сидите, улыбайтесь и молчите.

Я медленно повернула к нему голову, не меняя величественной осанки. Пружины кареты мягко покачивали нас, что добавляло моим словам драматизма.

— Анатоль, а вы, в свою очередь, постарайтесь не вести себя со мной, как строгая гувернантка. Это утомляет. Мы едем в гости, а не на экзамен в пансион.

Муж поперхнулся воздухом и уставился в окно, бормоча что-то об «испорченном нраве». Аглая Фёдоровна издала тихий звук, похожий на смешок, но тут же прикрылась веером.

Глава 8

Дом Дибровых встретил нас гулом голосов. Это был настоящий особняк на Набережной, роскошный до неприличия. Лакеи в напудренных париках, блеск паркета, запах дорогих духов — всё это давило бы на прежнюю Настю, но меня лишь заставляло анализировать.

Хозяйка дома Мария Ивановна Диброва была женщиной… масштабной. И в плане физическом, и в плане влияния. Она напоминала хорошо сохранившийся крейсер в полном парадном облачении.

— О, Аглая! Анатоль! Натали, душа моя! — она проплыла к нам, обдавая ароматом тяжёлых мускусных духов. — Как ты похорошела! Какая прическа! Ты словно выросла за этот месяц!

Рядом с ней стояла молодая женщина, примерно моя ровесница, дочь. Кажется, Варенька. Она тут же кинулась ко мне со скрытой радостью, почти обнимая. Я почувствовала, что мы в дружеских отношениях, хотя память всё ещё выдавала информацию порциями.

— Настя, наконец-то! — зашептала она, оттаскивая меня чуть в сторону от «крейсера»-матери. — Ты выглядишь чертовски уверенно. Что с тобой? А я, представь, всё о том же… Мои сорванцы-близнецы сегодня разнесли библиотеку.

Ели так, что повар хотел уволиться! Мария Ивановна говорит, что через год я точно рожу ещё дочку, а может, и две за раз. У нас в роду так принято. Матушка уже и чепчики заказывает. Ты слушаешь?

Я слушала, но с трудом подавляла желание спросить, не считает ли она себя инкубатором. В 1830 году разговоры о «детопроизводстве» были такой же обыденностью, как обсуждение погоды, но мой современный мозг отказывался принимать это как норму.

— Две дочки — это… амбициозно, Варя, — выдавила я. Но мое внимание отвлекло другое. Возле Анатоля крутились молодые люди, сыновья Марии Ивановны. Презентабельные, уверенные в себе красавчики с холодными глазами. И то, как они вели себя с моим мужем, было… странным. Они буквально заглядывали ему в рот. Один подал ему бокал, другой услужливо поправил стул. Третий, наверное, кузен, что-то нашёптывал на ухо, подобострастно кивая.

Что-то тут было не так. Мой муж, азартный игрок и прожигатель жизни, явно не был тем человеком, которому должны так угождать сыновья богатейшего дома Петербурга. Если только… если только он не был им чем-то очень выгоден. Или, если не знал что-то такое, что заставляло этих красавчиков лебезить перед ним.

Я прищурилась, глядя, как Анатоль раздувается от важности, принимая это поклонение как должное. Нет, я точно чего-то важного так и не узнала ещё! И лучше мне поторо-

питься со сбором информации, а то окажусь в невыгодной позиции в самый неудачный момент!

— Варя, — прервала я поток рассказов о близнецах, — а когда нас пригласят к столу? Кажется, я готова начать переговоры о дочерях только после полноценного ужина. Понимаю, что это не очень культурно, но есть хочется до ужаса.

Варя рассмеялась, не заметив ничего странного в моём поведении, и потянула за руку из огромного освещенного зала на выход. А я порадовалась, что девушка оказалась смешливой и не чопорной. Пока это единственная подруга, о которой я знаю. Если она не ведёт меня в чулан, чтобы затянуть потуже корсет или начать меня поучать, то мне начинает везти. Хоть в чём-то.

Варвара Диброва в девичестве, скорее всего, душа любой компании, а ныне — ходячее пособие по демографии, продолжала вещать. Мне казалось, что если я сейчас закрою глаза, то увижу вокруг неё маленькие амурные стрелочки, указывающие на её бесконечный цикл деторождения.

— Настя, ты только представь! — она всплеснула руками, едва не задев мой высоченный начёс. — Коленька уже начинает выговаривать «р». А Васенька вчера сам, совершенно сам съел целую тарелку манной каши. А ведь ему всего три! Я уверена, что через год Бог даст нам дочку. А лучше двух! Представляешь, два розовых чепчика, две пары крошечных пинеток…

Я слушала щебетунью, стараясь сохранять на лице выра-

жение вежливого участия, хотя мой внутренний бездетный тип вопил: «Варя, остановись! В этом веке детская смертность такая, что плодиться в геометрической прогрессии — это не хобби, а стратегия выживания!». Но вслух я, конечно, этого не сказала.

Вместо этого мой взгляд, ведомый самым низменным и мощным инстинктом — голодом, зацепился за приоткрытую дверь соседней комнаты. Там, в уютном полумраке «буферной» зоны, перед бальной залой, на массивных столах, накрытых белоснежными скатертями, разворачивалось подлинное искусство. Это был не просто перекус. Это была выставка достижений кулинарного хозяйства Дибровых.

Огромные серебряные подносы лопались от запеченного мяса, чей аромат пробивался даже сквозь тяжелый запах роз и Варвариных духов. Фрукты, выложенные причудливыми пирамидами, блестели боками, словно натертые маслом. Но моим личным Эверестом стали булки. Они были щедро, почти вызывающе посыпаны тёртым марципаном и сахарной пудрой.

— Варенька, душа моя, — перебила я её на середине описания пятого зуба младшего сына, — я чувствую, что если сейчас не получу порцию глюкозы, то упаду в обморок прямо в твои объятия. А учитывая мой сегодняшний рост, мы обе погребём под собой этот изящный столик с безделушками.

Подруга охнула и, заговорщицки подмигнув, потянула меня в ту самую комнату.

— Ох, бедняжка! Ты всё ещё бледная после своего падения. Я было понадеялась, что результатом станет твоя беременность… Но раз ты не поделилась со мной приятной новостью, — по лицу девушки скользнула тень. Она совершенно искренне желала мне счастья. Семейного, какого здесь и полагалось желать: муж, дом – полная чаша и перманентная беременность с перерывами на набор сил.

— Ты узнала бы первой, милая, — я, как могла, сделала несчастное лицо.

— Ешь, душа моя, ешь! Здесь никого нет, а я тебя прикрою.

Я не заставила себя ждать. Схватив самую наглую, самую марципановую булку, я почувствовала себя преступницей, грабящей банк. Боже, какое блаженство! Настоящее масло, настоящий сахар, никакой пальмы и Е-добавок.

Пока Варя продолжала фонтанировать историями о том, как муж мечтает о дочери, я схватила стоявший рядом хрустальный кувшин. В нем плескалась темно-красная жидкость. Компот! Вишневый, густой, с легкой кислинкой, которая мгновенно привела мои рецепторы в состояние экстаза.

Жевать под болтовню Вари было даже удобно. Она служила идеальным акустическим фоном, не требующим ответов. Я стояла лицом к двери, наслаждаясь моментом, и над головой своей низкорослой подруги уловила движение. В комнату вошел мужчина. Я чуть наклонила голову, чтобы хоть частично скрыть за причёской подруги нижнюю часть моего

лица. Полный рот марципана диктовал осторожность.

Он был высок. Нет, не так. Он был по-настоящему высок, даже по меркам моего времени. Настоящий шкаф из красного дерева, только одетый в безупречный фрак. Плотно сжатые губы, прямой нос и взгляд человека, который привык отдавать приказы, а не слушать их. Он подошёл к столу с таким видом, будто это была штабная карта, и с той же решительностью, что и я минуту назад, взял точно такую же булку. Налил себе компот.

Варвара же, не замечая ничего, продолжала:

— …и представляешь, доктор говорит, что если пить настойку на полыни, то непременно будет девочка!

Тут она, наконец, по направлению моего взгляда заметила третьего участника нашей тайной вечери.

— О! Дмитрий! — обернувшись, вскрикнула подруга и почти подбежала к мужчине. А потом мило улыбнулась, прикладывая ладонь к его плечу, до которого с трудом дотянулась с какой-то почти родственной фамильярностью. — И чего все сегодня такие голодные? Видимо, жара, наконец, спала, и всех обуял голод и жажда!

Я сделала глоток компота, пытаясь подавить нервный смешок. Ситуация была донельзя комичной: двое взрослых людей в нарядах стоимостью в небольшое имение стоят в подсобке и украдкой хомячат хлебобулочные изделия.

Мужчина — Дмитрий — посмотрел на меня сверху вниз. Его глаза были цвета грозового неба над Невой. В них чита-

лось явное любопытство.

— А я думал, — произнес он низким бархатистым баритоном, в котором слышалась легкая насмешка, — что женщины вашего круга не могут быть такими голодными. Считал, что вы предпочитаете исключительно родниковую воду и, быть может, лепестки фиалок по четвергам. Это был явный вызов. Прямой бросок перчатки мне в лицо.

Моя «бывшая Настя» хотела бы покраснеть и опустить глазки, но я уже заряжала орудия.

— О, вы абсолютно правы, — ответила я, облизав крошку марципана с губ - абсолютно неприличное действие, но, судя по ошарашенному виду гостя, оно того стоило. — Мы пьем воду и заряжаемся чистой энергией солнца, как цветы! А осенью нас, по правилам выживания, нужно держать на подоконнике и поливать через день. С Варенькой это попроще — она компактная, ей достаточно маленького оконца. А вот такие, как я… — я выразительно выпрямилась, чувствуя, как мои каблуки и высокая прическа делают меня почти равной ему по росту. — Нам приходится жить в оранжереях с высокими потолками, а на лето уезжать на юг, чтобы не завянуть от холодного петербургского снобизма.

Дмитрий замер. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с крайним удивлением.

— Раньше вы не были столь словоохотливы, Анастасия Павловна, — произнес он.

И в этом «раньше» я почувствовала какой-то скрытый

контекст, которого моя дырявая память не улавливала.

Он приобнял Варвару за плечи, коротко, почти по-военному поклонился мне и вышел из комнаты, оставив после себя запах дорогого табака и какой-то странной, невысказанной тайны. Я осталась стоять с куском булки в руке. Память тела, эта капризная девчонка, молчала. Кто он? Кузен? Муж? Глядя на то, как Варя к нему ластится, я почему-то решила: точно, муж. Ну логично же: она крошечная, он огромный — вместе они смотрятся как инфографика о вреде и пользе радиации.

— Пойдем быстрее, Настасья! — Варя потянула меня за рукав. — Сама Мария Ивановна созывает всех в зал. Говорят, сегодня намечается какая-то особенная презентация блюда. Повар приехал из самого Парижа!

Мы вышли в главный зал. Люстры сверкали так, что глазам стало больно от обилия хрусталя и свечей. Весь свет Петербурга, судя по слепящему блеску бриллиантов, толпился здесь.

И тут я увидела его. Мужа Варвары. Ему было лет пятьдесят. Седовласый, с окладистой бородой и солидным животиком, который не мог скрыть даже самый тугой жилет. Он выглядел как оживший портрет «крепкого хозяйственника» эпохи Николая I. Он твёрдо, по-хозяйски взял Варвару под локоть и повел её к столу, что-то назидательно выговаривая. Я замерла. Если этот солидный господин — муж Вари, то кто тогда Дмитрий?

Я начала искать его глазами. Нашла быстро — рост выдавал его, как маяк в тумане. Он стоял у окна в компании моего мужа и двух братьев Варвары. Мой благоверный, который на фоне Дмитрия смотрелся как декоративный пудель рядом с волкодавом, что-то оживленно доказывал, размахивая руками. Братья Дибровы — те самые «презентабельные красавчики», о которых шептались в кулуарах, почтительно слушали Дмитрия, ловя каждое его слово.

И в этот момент Дмитрий посмотрел прямо на меня. Не мельком, не случайно. Его взгляд был тяжёлым, пристальным и… скабрезным? Так ведь говорят о похотливом, изучающем и даже несколько ощупывающем? Но он смотрел так, будто мы с ним только что предавались каким-то грехам похлеще чревоугодия в той маленькой комнате с марципановыми булками.

— Натали, чего ты застряла? — Анатоль возник рядом со мной, неловко дёрнув меня за руку. — Тётушка уже заняла места. Посмотри, как ты вырядилась… Ты же выше меня на голову! Все смотрят и хихикают. Ну зачем было делать этот стог сена на голове?

— Чтобы лучше слышать твои глубокие мысли, дорогой. Испаряясь из твой головы, они стремятся ввысь, минуя всех окружающих. А тут, повыше, я могу хоть некоторые уловить и понять, какого чёрта ты творишь то, что творишь, — отрезала я, не сводя глаз с Дмитрия. — С высоты всегда обзор лучше. И не волнуйся, люди смотрят не потому, что я вы-

сокая, а потому, что ты сегодня особенно прекрасен в этом мундире.

Анатоль поперхнулся воздухом и замолчал, явно переваривая наглость. А я, расправив плечи - корсет, будь он неладен, всё же придавал осанке королевское величие, - двинулась к обеденному столу.

Глава 9

Зал Дибровых напоминал оды Державина: величественно, избыточно и с жирным намеком на чрезвычайный достаток.

Огромный П-образный стол был заставлен фарфором с фамильными гербами. Но всё внимание было приковано к центру. Хозяйка дома Мария Ивановна Диброва, сияла.

— Дорогие гости! — провозгласила она. — Сегодня мой повар мсье Дюран подготовил для нас не просто ужин, а аллегорию! Аллегорию на процветание нашей империи!

Слуги в напудренных париках внесли нечто огромное на золочёном подносе. Это был павлин. Но не просто жареная птица, а целая архитектурная композиция. Его хвост был воссоздан из засахаренных фруктов и диковинных перьев, а сама тушка была окурена каким-то ароматным дымом. Пока гости ахали, я почувствовала, что за столом что-то меняется.

Дмитрий сел прямо напротив меня. Его присутствие подействовало на Анатоля, как холодный душ: мой муж внезапно затих, начал суетливо поправлять салфетку и избегать взгляда соседа напротив.

— Анастасия Павловна, — вдруг обратился Дмитрий через стол, игнорируя общее восхищение павлином. — А вы верите в аллегории? Или предпочитаете видеть вещи такими, какие они есть… даже если это просто кусок мяса, укра-

шенный перьями?

Аглая Федоровна, сидевшая справа от меня, медленно повернула голову. На её лице застыла та самая «улыбка Моны Лизы», которую я заметила еще в карете. Она явно знала, кто такой Дмитрий. И явно ждала, как я выкручусь.

— Аллегория — это красивая обёртка для реальности, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Иногда она нужна, чтобы скрыть пустоту внутри, а иногда — чтобы подчеркнуть величие. Но лично я предпочитаю знать, что именно я ем. И с кем.

Анатоль под столом больно наступил мне на ногу. А Дмитрий… Дмитрий вдруг улыбнулся. И это была первая искренняя улыбка, которую я увидела на лице визави в мою сторону.

— Хороший ответ, — тихо произнес он. — Честный. Это редкость в наше время оранжерей и подоконников.

Я поняла одно: этот вечер перестал быть просто светским выходом. Он превращался в партию в шахматы, где я была фигурой, которая внезапно решила ходить не по правилам. И, судя по тому, как братья Дибровы подобострастно подливали вино мужу, а тот всё больше краснел и хвастался какими-то успехами, в этой партии на кону стояло гораздо больше, чем просто моё существование в этом месте и времени.

— Вы сказали, что собираетесь продать имущество в Усть-Ижоре? — неожиданно спросил Дмитрий, обращаясь уже к Анатолю, но поглядывая на меня, словно ожидая ре-

акции.

Мой муж замер с куском павлина во рту.

— Э-э… да… мы планируем… Пока не торопимся, но, видимо, стоит это сделать. А ещё Натали очень хочет… навестить могилу отца, — пролепетал он.

— Не только могилу, — громко добавила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я собираюсь лично проверить дела кирпичного завода. Говорят, там в последнее время слишком много «аллегорий» в бухгалтерии.

Вилка в руках Анатоля со звоном упала на тарелку. А Дмитрий просто поднял свой бокал, словно салютуя.

И больше в нашу сторону он не посмотрел. Остальную часть ужина я внимательно наблюдала за гостями.

Утром я проснулась с ощущением, что в моей голове кто-то всю ночь играл в шахматы, причём моими же мыслями. Солнце, пробивающееся сквозь тяжёлые шторы, высвечивало в воздухе пылинки, и я замерла, глядя на них, как на модель вселенной.

Нужно было срочно провести анализ «вчерашнего дефиле».

Первое: Аглая Фёдоровна. Старушка вчера вечером напоминала мне опытного сапёра. Она смотрела на меня не как на непутёвую родственницу, а как на объект, который внезапно начал издавать тиканье. Её улыбка «Моны Лизы»… Что она означала? Одобрение? Или она просто забавлялась, глядя, как я перекраиваю привычный сценарий их скучного быта?

Одно ясно: она единственный человек в этом доме, у которого под кружевным чепцом работают настоящие мозги, а не просто набор светских штампов. А ещё: именно она держала на плаву нашу «дружную» молодую ячейку общества.

Второе: реакция на Анатоля. Боже, этот павиан вчера был центром внимания, но каким-то странным. Мужчины вокруг него так и вились, а он раздувался от важности. Но я-то видела их истинное отношение и взгляды — снисходительные, почти жалостливые между собой. Дибровы-младшие переглядывались за его спиной так, словно он был не почётным гостем, а удачной инвестицией, которая вот-вот должна принести дивиденды, если потерпеть некоторые неудобства.

Либо мой дражайший муж проиграл в карты состояние, которого у него нет, либо втянут в какую-то авантюру, где он — козёл отпущения.

И третье… Дмитрий.

— Какого чёрта? — прошептала я, натягивая одеяло до подбородка. Этот его взгляд в буфетной… В моём времени за такой взгляд можно было либо получить пощёчину, либо предложение, от которого краснеют даже опытные феминистки. Он смотрел на меня не как на даму, а как на сообщницу в каком-то очень грязном деле. Не хотелось даже думать о грязном, поскольку я в своем прежнем теле уже привыкла к мысли, что в нехорошее дело меня могут взять уже только завхозом. И это его: «А я думал, женщины предпочитают воду.». Юморист местного разлива? Возможно. Но в

этом хаме было столько жизни, сколько во всех остальных даже в своем прошлом не встречала.

Конечно, шевелилась в голове мысль, что это очередной мудак, к которым у меня тяга посильнее, чем у мух на сахар… Но либидо — в сторону. Сейчас меня должен волновать не блеск в глазах заезжего красавца, а думы о своей жизни. Только начавшейся и собирающейся вот-вот обвалиться благодаря супругу.

Мой завод. Если я хочу здесь не просто выживать, а жить по своим правилам, мне нужны деньги. Настоящие, осязаемые деньги, а не те крохи, которые мне полагались по причине сердобольности нашей Аглаи.

Завод — это мой шанс получить независимость. А потом уже заниматься обретением свободы от брака. Анатолию завод не нужен. Он для него грязное место, где мужики в лаптях месят глину. Для него это просто строчка в документах, которую он мечтает заложить ради очередной актриски.

— Мне нужен стряпчий, — твёрдо решила я. — Человек, у которого хранятся папины бумаги. Нужно понять, на кого оформлена земля и само производство. А потом — в Усть-Ижору. Своими глазами увидеть этот «кирпичный рай».

К завтраку я спустилась с видом женщины, которая точно знает, сколько она стоит. Столовая встретила меня ароматом кофе и свежего хлеба. Анатолий уже сидел за столом, вяло ковыряя какую-то кашу и поглядывая в газету. Аглая Фёдоровна, как всегда, была безупречна: ровная спина, холодный

взгляд и чашка тонкого фарфора в руке.

— Доброе утро, дражайшие родственники, — я присела, и Татьяна тут же материализовалась рядом, наливая мне чай.

— Доброе ли? — буркнул Анатоль, не поднимая глаз. — Вчерашний вояж к Дибровым меня утомил. Эти братья чрезмерно навязчивы… Конечно, я понимаю их, ведь все стремятся быть ближе к человеку, источающему радость и волю.

— Ой, если вы это о себе, полно вам, Анатолий. Ясно ведь, что не к вам они тянутся. От вас радости, как от счетов. А воля в вас будто даже ночевать не оставалась, — я мазнула маслом булочку, наслаждаясь его аритмией, а используя замешательство… нет, даже офигевание от моей прямоты, и продолжила: — Кстати о вчерашнем… Ты так трогательно поминал папеньку. И я всю ночь думала: как же я давно не была на его могиле. В Усть-Ижоре сейчас, верно, дивные виды. Погода стоит ясная, дожди еще не размыли тракт. Нам просто необходимо поехать.

Анатолий поперхнулся чаем. Его брови взлетели ко лбу, а лицо приобрело оттенок несвежего творога.

— В Усть-Ижору? Сейчас? Когда в Петербурге вот-вот начнётся сезон культуры? И после того, как ты меня продолжаешь унижать? Натали, ты в своем уме? Это же глушь! Там мухи, воняет навозом на три версты вокруг, а взгляду не за что зацепиться. И дорога… трястись пять часов ради чего?

— Ради памяти, Анатоль. Или ты уже забыл, что у меня есть обязательства к памяти? — я посмотрела на него в упор,

не переставая жевать. — Поедем завтра. Утром, пока не жарко. И, если еще раз ты назовёшь меня этим именем, я придумаю тебе такое, что ты из дома побоишься выходить!

Судя по тому, как он заёрзал на стуле, идея ему не просто не нравилась — она его пугала.

Тетушка Аглая замерла с чашкой у губ, глядя на нас поверх пара.

— Я не могу завтра, — вдруг выдал муж, восстанавливая дыхание. — И вообще, за то, как ты ведешь себя в последнее время — эти твои выходки, эти странные речи… я мог бы вообще с тобой не разговаривать. Но я человек благородный.

Он выдержал паузу, ожидая моей благодарности, но я только изогнула бровь. Пусть радуется, что я по «благородству» его не прошлась!

— И? При чём тут твое благородство и мой завод… то есть завод моего отца?

— При том, что у Лизы… то есть у Лоретты, сегодня премьера в частном театре графа Троегубова. Она в таком волнении! Мы обещали её поддержать. Нельзя бросать человека в столь сложный для творчества момент.

Лиза, значит. Та самая «птичка певчая» Лоретта с непомерным аппетитом за мой счёт.

— Театр? — я расплылась в самой медовой из своих улыбок. — Какая чудесная мысль! Я просто обязана поддержать звезду. Составим ей протекцию, поаплодируем из ложи… Я пойду с тобой. Поддержу её добрым словом, а может и сове-

том.

Анатолий напугался и воодушевился одновременно. С одной стороны, я в театре — это риск скандала. С другой — если я там буду, Аглая Фёдоровна поймет, что я в курсе его близости с актрисой.

— Идём сегодня, а завтра — в Усть-Ижору, — отрезала я. — И я сделаю ей подарок. Лично.

— Не стоит! — Толян чуть не подпрыгнул. — Подарки актрисам — это тонкое искусство. Ты в своей… э-э… прямолинейной деревенской манере можешь обидеть чувствительную натуру! Лучше передам я. От нашего общего имени, разумеется.

Я с наслаждением наблюдала, как он корчится, пытаясь спасти остатки своего далеко не тайного романа. Тётушка Аглая следила за нами, затаив дыхание, и в её глазах я снова увидела что-то похожее на весёлую искру. Ей все это очень нравилось!

Вечер в особняке Троегубова обещал быть «томным». Оказалось, что театр этот — место для избранных, где сплетен больше, чем репетиций. Татьяна снова воевала с моими волосами, пытаясь соорудить нечто среднее между «скромной женой» и «гордой дворянкой». Я же настояла на каблуках, хоть они добавляли не больше пяти сантиметров, и платье цвета спелой сливы, которое делало меня подозрительно похожей на опасную женщину. Когда мы с Татьяной спустились в холл, Анатолий уже нервно потирал перчатки. Он

окинул меня взглядом и, кажется, стал ещё на пару сантиметров ниже.

— Натали, ты… ты сегодня слишком заметна, наша задача оставаться немного в тени, — пробормотал он.

— Это чтобы ты меня в толпе не потерял, дорогой, — парировала я.

И тут из тени своих покоев вышла Аглая Фёдоровна. На ней было чёрное строгое платье и накидка из из меха соболя.

— Я еду с вами, — спокойно произнесла она, застёгивая брошь. — Я ещё не слышала эту вашу… Лоретту. Хочу лично убедиться, что Анатоль не зря тратит семейное время на это «искусство».

Да, если мне на его «семейное время» начхать, то вот денежки моего папеньки меня сильно тревожат.

У мужа задёргался глаз. Кажется, поездка в театр перестала быть для него приятным свиданием и превратилась в инквизицию на выезде. А я… я едва сдерживала смех.

— Ну что ж, — я огладила ладонями высокую прическу, — вперёд, дорогие мои, нас ждет великолепный вечер в кругу семьи. Да ещё и приобщение к прекрасному!

Глава 10

К особняку Троегубова мы подкатили, когда солнце уже начало лениво плавиться, окрашивая небо в цвета персикового варенья.

Граф, человек широкой души и такого же размаха трат, решил, что стены его дома слишком тесны для высокого искусства, и устроил театр прямо в саду.

— Ну, господа, готовьтесь к возвышенному, — съязвила я, выходя из кареты. Аглая Фёдоровна окинула меня коротким, но выразительным взглядом. В её арсенале это означало: «Помни о приличиях, даже если нас заставят слушать хор лягушек.». Сама тётушка сегодня была в чёрном шёлке, строгая и монументальная, как гранитный постамент.

Пока мы шли по аллеям сада, я заметила удивительную вещь: публика расступалась перед ней, как воды Красного моря перед Моисеем. Дамы приседали в реверансах с такой поспешностью, будто боялись, что Аглая Фёдоровна испепелит их за недостаточно глубокий наклон.

Сад графа Троегубова этим вечером напоминал декорацию к фильму, на который у продюсеров было слишком много денег и мало чувства меры. Сотни свечей в разноцветных фонариках раскачивались на ветвях старых лип, создавая иллюзию гигантских светлячков, решивших устроить здесь

свой съезд. Воздух был пропитан ароматом цветущего жасмина, свежескошенной травы и, конечно же, сплетен.

Сам хозяин дома, Андрей Ильич Троегубов — мужчина с лицом доброго, но обильно пропитанного хересом бульдога — выбежал навстречу, сияя лысиной.

Когда величавую Аглаю Фёдоровну, сияющего, как начищенный грош, Анатолия и меня, старающуюся не споткнуться о собственный подол, усадили в первый ряд, я почувствовала, как социальная гравитация в этом секторе сада резко усилилась. Наши кресла, обитые вишневым бархатом, стояли на густой траве так вызывающе, будто они были не мебелью, а командным пунктом. И едва тётушка опустила своё августейшее тело на сиденье, как началось...

— Аглая Фёдоровна, душа моя, — пропел голос, в котором патоки было больше, чем в кондитерской.

К нам, едва не задевая пышными рукавами мои острые колени, подплыла массивная дама в платье цвета «испуганной нимфы». Я не знала на самом деле, как выглядит этот цвет, но мне он представился именно таким – блёклым, словно ткань, раньше бывшая розовой, выгорела на солнце.

Это была генеральша Сипягина — женщина, чьи сплетни в Петербурге имели силу судебного приговора. За ней, как хвост за кометой, семенила свита из двух бледных девиц и худосочного мужа, который держал шляпу так, словно это была чаша для сбора подаяний.

Я почти фыркнула на память Насти, которая прорезыва-

лась совсем не там, где было нужно. Вот сейчас, допустим, информация о генеральше появилась вовремя. Я могла бы этого и не знать, а вот поди – получите и пользуйтесь!

Я наблюдала за лицом Аглаи Фёдоровны. Ни один мускул не дрогнул. Она лишь слегка, едва заметно склонила голову — ровно на два миллиметра. Это был жест такой эпической снисходительности, что я невольно восхитилась.

— Софья Петровна, — голос тётушки прозвучал как хруст подмерзшего наста. — Я вижу, ваш портной в этом сезоне решил сэкономить на чувстве меры? Столько кружев... вы не боитесь запутаться в них и взлететь?

Генеральша, которая только что сияла, мгновенно приобрела оттенок вареного рака. Она неестественно рассмеялась, прикрывая веером нижнюю челюсть.

— Ох, Аглая Фёдоровна, шутница вы! Но я так рада, так рада вас видеть...

Она не была рада. Она была в ужасе. Она кланялась, пятилась и бормотала какие-то любезности, пока не скрылась в толпе, облегченно вытирая лоб кружевным платком.

Следом потянулась кавалькада щеголей. Молодые люди в тугих воротничках, которые заставляли держать головы так, словно они балансируют на грани обморока, подходили один за другим. Красавчик штабс-ротмистр, кажется, один из тех, кто вчера у Дибровых заглядывал в рот Анатолию, склонился перед Аглаей в таком глубоком поклоне, что я побоялась: сейчас его спина разломится пополам.

— Сударыня, ваш визит превращает вечер Троегубова в историческое событие, — выдохнул он, преданно глядя старухе в глаза. Аглая Фёдоровна окинула его взглядом опытного мясника, оценивающего тушу.

— Ваш отец, кажется, всё ещё в долгах у государства, голубчик? — тихо, почти ласково спросила она. — Передайте ему, что я справлялась о его здоровье. И о его поместьях.

Юноша побледнел настолько, что стал прозрачным. Он пробормотал что-то нечленораздельное и испарился — только его и видели. Я сидела, наблюдая этот парад унижения, и мой внутренний историк начал бить в набат. В голове крутилась мысль: «Настя, ты вляпалась.».

До этого момента я воспринимала Аглаю Фёдоровну как строгую властную тётку из анекдотов. Старую грымзу, с которой можно повоевать за право носить каблуки. Но сейчас, видя, как перед ней дрожат здоровенные мужики и светские львицы, я осознала масштаб катастрофы. Это было не просто уважение. Это был инстинктивный ужас жертвы перед хищником, который знает о ней всё. От состояния банковских счетов до того, с кем их бабушка согрешила в 1790-м году.

«Это ведь мне сильно не на руку, — лихорадочно соображала я, машинально кивая какой-то проходящей мимо баронессе. — Если она хозяйка не только в доме, но и в умах половины Петербурга, то её связи тянутся гораздо дальше, чем мой ум. У неё руки длинные. Ох, какие длинные...».

Я покосилась на Анатолия. Тот сидел с видом наследного

принца, купаясь в лучах чужой славы. Глупец. Он даже не понимал, что все эти поклоны, адресованные ему, как племяннику графини — лишь аванс. И если тётушка решит, что он больше не в её милости, его растопчут в тот же вечер, не дослушав даже первого акта оперы.

«Так, Настя, стоп! — приказала я себе. — Кидаться в бой прямо сейчас — это самоубийство. Я мечусь, как слепой котёнок в лабиринте с минами. Один неверный шаг, одна попытка открытого шантажа Анатолия — и Аглая раздавит меня просто между делом, за утренним шоколадом. Пока мне нужно поумерить пыл. Стать тенью. Стать настолько полезной и неопасной для неё, чтобы она позволила мне съездить в Усть-Ижору. Нужно выяснить, что именно она держит в рукаве. На чём держится её власть? На деньгах? На тайнах? На страхе?».

Мои раздумья прервал сам хозяин дома, граф Троегубов. Он подошёл к нам весь какой-то суетливый, пахнущий табаком и вином.

— Аглая Фёдоровна, всё готово! — он потёр руки. — Мы организовали всё в саду, раз погода позволяет. Воздух, как парное молоко! Моя протеже Лоретта... вы будете в восторге!

— Надеюсь, Андрей Ильич, что ваш восторг и мой имеют одни и те же основания, — проговорила Аглая, постукивая веером по колену. — А не только тот факт, что девица молода и манка.

Троегубов сконфуженно икнул и задком-задком ретировался в сторону кулис. Я огляделась. Сад был заполнен до отказа. Люди рассаживались на стульях, шепчась и поглядывая на наш первый ряд. Между деревьями зажглись дополнительные огни, освещая сколоченный из свежих сосновых досок помост. Тяжёлый занавес лениво покачивался на вечернем ветру. Это было странное сочетание: дикая природа русского сада и натужная театральность.

На деревьях висели корзины с цветами, украшенные кружевными и атласными лентами. Тогда в частных театрах обожали ставить либо легкие французские водевили про неверных жен и хитрых слуг, либо перепевки модных опер Россини. Судя по серьезному лицу Анатоля, сегодня планировалось нечто «высокое».

Оркестр, спрятанный где-то за кустами сирени, выдал первую, довольно скрипучую ноту. Зрители замерли. Занавес, дёргаясь, пополз в стороны, открывая декорацию, призванную изображать античный храм, но больше напоминающую беседку в усадьбе средней руки.

Сегодня давали что-то до боли классическое — «Севильского цирюльника», но в какой-то очень авторской, «троегубовской» обработке. И вот, наконец, на сцену выпорхнула та самая Лоретта. Я невольно подалась вперед, чтобы рассмотреть «соперницу».

Боже мой! Если бы я увидела её в моем времени, я бы

решила, что это косплей на розовую зефирину. Маленькая, круглая, как свежеиспеченная булочка, она выкатилась на сцену в платье, которое явно было ей тесно в районе корсажа. Вздёрнутый носик, губки бантиком, круглые щёчки... Она выглядела как перекормленный ангел с картин Рубенса, которому забыли приклеить крылья. Ей было на вид лет тринадцать-четырнадцать, хотя, скорее всего, возраст скрывали слои белил.

— Она же выглядит так, будто ей сейчас принесут тарелку каши и отправят спать, — прошептала я самой себе под нос.

Но стоило ей открыть рот, как все мои эстетические претензии померкли перед акустическим ужасом. Лоретта определённо считала себя сопрано, но её голос был похож на свист проржавевшего чайника, который отчаянно пытается имитировать флейту. Она брала высокие ноты с таким натужным визгом, что у меня, будь я в своём прежнем теле, начали бы вибрировать пломбы.

Фальшь была такой густой, что её можно было резать ножом. Я скосила глаза на мужа и едва не расхохоталась. Анатолий превратился в натянутую струну. Он подался всем телом вперёд, вцепившись в подлокотники стула так, что побелели костяшки пальцев. Его глаза блестели влажным нездоровым блеском, а дыхание стало частым, будто он сам только что пробежал версту.

Затем я посмотрела на Аглаю Фёдоровну. Надежда на адекватность этого семейства ещё оставалась. В итоге мой

внутренний критик ликовал. На лице старушки застыла такая гримаса отвращения, что никакой покерфейс не мог её скрыть. Она морщилась при каждой «петушиной» ноте. В эти моменты я готова была её расцеловать — мы были едины в этом музыкальном аду.

Я наклонилась к самому уху мужа, обдав его ароматом своих духов и ядовитого сарказма:

— Ты это… смотри, сознание не потеряй от искусства и тяги к нему. Держись за стул покрепче, а то вот-вот свалишься к ногам своей примадонны. Негоже графу в траву падать, когда на сцене такое… дарование.

Анатолий вздрогнул, медленно повернул ко мне лицо, искажённое бешенством.

— Ты… ты… — он зашипел, не находя слов. Его ненависть была почти осязаемой, холодной и липкой.

— Я — твоя жена, любуйся, — мило улыбнулась я.

В этот момент терпение Аглаи Фёдоровны лопнуло. Оно не просто закончилось, оно сдетонировало.

— Мы едем домой. Сейчас же! — голос тётушки прозвучал неожиданно громко в паузе между ариями. Она решительно встала, расправляя свои шелка. Лоретта, которая как раз готовилась выдать очередной убийственный для ушей пассаж, замерла.

Мы сидели в первом ряду, прямо перед её носом, и наше массовое дезертирство невозможно было не заметить. Бедняжка сбилась, её глаза округлились, и, пытаясь спасти по-

ложение, она выдала звук такой чистоты и мощи, что ближайшая стайка воробьев осыпалась с дерева в обмороке. Голос сорвался на визг мартовской кошки, которой наступили на хвост.

— У меня сейчас кровь пойдет из ушей, — во весь голос заявила Аглая Фёдоровна, шагая вдоль ряда. Ей было абсолютно плевать на то, что она загораживает обзор всему Петербургу. Она шла, как ледокол «Ленин», и никто, слышите, никто! не посмел даже пикнуть «тише!».

Анатоль замер на секунду. Между преданностью пухлой певице и страхом перед тётушкой победила вековая привычка подчиняться сильным. Он вскочил, бросив на сцену последний, полный отчаяния взгляд, и почти бегом бросился догонять нас. Мы уже почти дошли до кареты, когда нас настиг запыхавшийся граф Троегубов. Его лицо было цвета перезрелого томата.

— Аглая Фёдоровна! Душа моя! Что случилось? Почему вы покидаете нас в самый разгар триумфа? Неужели ветерок? Или… — он замялся.

Тётушка обернулась. Она не удостоила его даже гневом, только фактом:

— Потому что это ужасно, Андрей Ильич. Это просто отвратительно! У меня слишком тонкий слух для подобных… экспериментов над человеческой природой. Но ваш сад, как всегда, идеален, и жасмин в этом году превосходен. Я заеду к вам на днях, не подумайте, что я поменяла к вам отноше-

ние. Доброй ночи!

Она захлопнула дверцу кареты с таким звуком, будто поставила точку в конце предложения. Домой мы ехали в гробовой тишине. Анатоль забился в угол кареты, глядя в окно на проплывающие тени деревьев, и я чувствовала, как от него исходят волны бессильной злобы. Аглая Фёдоровна сидела прямо, прикрыв глаза, и только едва заметное движение губ выдавало, что она, возможно, читает молитву о спасении своих барабанных перепонок.

Когда мы вошли в дом, никто не сказал ни слова. Ни «спокойной ночи», ни «спасибо за вечер». Каждый разошёлся по своим комнатам, как солдаты после проигранного сражения. Но, заходя в свою спальню, я улыбалась.

Глава 11

Ночь опустилась на Петербург, но сна не было ни в одном глазу. Я лежала в своей огромной, похожей на дрейфующий айсберг кровати, и в ушах всё ещё звенел невыносимый ультразвук «булочки» Лоретты. Боже, если это — будущее русского оперного искусства, то я официально заявляю: «соловьи» в моём времени поют лучше даже под автотюном.

Татьяна, сноровисто порхая вокруг меня, поправляла одеяло, подтягивала подушку повыше. Я поняла, что ей чего-то надо.

— Ох, барыня, вы прямо как после боя, — проворковала Татьяна, бережно принимая из моих рук кружку с водой, которую я не просила и взяла исключительно по причине задумчивости. — И лицо на вас такое... сурьёзное. Нешто певичка так расстроила? Пустяшное дело, барин наш всегда на голос был слаб, ему бы что погромче, да чтоб в рюшах побольше.

Я посмотрела на неё через зеркало. Татьяна была ходячей энциклопедией этого дома, его «Википедией» на крепостном праве. В её голове хранились такие файлы, которые могли бы обрушить не один министерский кабинет.

— Татьяна, оставь певичку. С ней всё ясно — типичный продукт отсутствия вкуса и избытка калорий, — я устало по-

терла виски. — Меня другое занимает. Весь вечер у Троегубова люди вели себя так, будто мимо них проносят святые мощи вперемешку с бочкой пороха. И всё это касалось Аглаи Фёдоровны. Рассказывай. Почему её так... уважают? И не вздумай отделываться общими фразами про «строгий нрав».

Служанка замерла с гребнем в руках. В её глазах промелькнул азартный блеск — информационный голод был общим недугом всех веков. — А вы про Лоретту эту расскажете? — хитро прищурилась она. — Говорят, она в театре-то не только поет, но и ногами эдак... непотребно машет? Барин-то наш совсем голову потерял?

— Как только ты мне всё детально распишешь, дорогая, я тебе в лицах эту Лоретту изображу. С кашлем и выпадами, — пообещала я, усаживаясь поудобнее и подтягивая одеяло к подбородку. — Начинай.

Татьяна присела на край низкой скамеечки, заговорщицки понизила голос и начала, предварительно оглянувшись на дверь, будто за ней стоял сам апостол Петр.

— Ну так вы ведь... а-ааа! Вы не помните. И это тоже... беда. Ведь Аглая Фёдоровна — она не просто графиня. Она — Тень.

— Тень чего? — уточнила я, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Тень самой Государыни Императрицы Александры Фёдоровны! — торжественно прошептала Татьяна. — Они ведь с малых лет вместе, барыня. Когда ещё

наша Государыня приехала из своей Пруссии принцессой Шарлоттой, совсем еще девчушкой, не знающей ни слова по-нашему, Аглая Фёдоровна была к ней приставлена. Они вместе в прятки в Гатчине играли, вместе слёзы лили над письмами... Аглая-то была взрослой уже. И стала первой фрейлиной, самой что ни на есть любимой.

Я замерла. В голове мгновенно всплыли лекции по истории Николаевской эпохи. Александра Фёдоровна — женщина удивительной красоты и хрупкости, супруга Николая I. Император обожал её, боготворил, хотя это не мешало ему заводить многолетние связи с фрейлинами вроде Варвары Нелидовой.

— И что, до сих пор дружат? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал буднично.

— А как же! — Татьяна всплеснула руками. — Аглая Фёдоровна хоть и живёт в своём доме, да в Зимний вхожа по первому зову. Говорят, Государыня без её совета ни одного наряда не выберет, ни одной милости не подпишет. Император наш, Николай Павлович — мужчина суровый, дела государственные за мужскую обязанность держит, женщин к политике не пускает. Но Александра Фёдоровна... она ведь как? Улыбнется, словечко замолвит за кого, гнев мужа смягчит. А кто ей это словечко в ухо вложит? То-то и оно — Аглая Фёдоровна.

Я поняла, что у меня медленно отвисает челюсть. Теперь всё сходилось. Пазл сложился с таким щелчком, что искры

из глаз посыпались. Вот почему Дибровы на ужине буквально выпрыгивали из штанов, обхаживая моего никчёмного муженька. К этой акуле и на коленях не подползёшь, а через фанфарона-племянника можно и на тётушку повлиять. Только вот уверена: ничегошеньки он не говорит тётке и не просит ни за кого, потому что знает – на неё где сядешь, там и слезешь. Но пользуется этим с размахом.

— Значит, она — серый кардинал в кружевах, — пробормотала я. — "Godmother" петербургского разлива.

— Не знаю, кто такой этот кардинал, — продолжила Татьяна, увлекшись процессом, — но рассказывают, что Аглая Фёдоровна нрав свой ещё оттуда, от двора, вынесла. При Александре Фёдоровне ведь порядок какой? Строгость! Чтобы каждый этикет знал, чтобы шелка хрустели, а лица были как из фарфора. Малейшая оплошность — и фрейлину вон, в деревню без приданого. Отношения у них тонкие: Государыня вроде и дистанцию сохраняет, а сама Аглае все свои печали поверяет. Про увлечения Николая Павловича все знают и про Нелидову эту... Да только Императрица гордость выше всего несёт. Лицо держит! И Аглая ей в том первая помощница. Она, как верный пёс, на страже репутации двора. Потому её и боятся посильнее всякой холеры. Обидишь Аглаю — считай, плюнул в сторону трона.

Я почувствовала, как меня прошибает волна холодного пота. Мой план с заводом в Усть-Ижоре вдруг показался мне детской песочницей на краю вулкана. Я-то думала, что бо-

рюсь с ленивым мужем-абьюзером. А на самом деле я нахожусь под присмотром у женщины, которая была соавтором атмосферы самого блестящего и беспощадного двора Европы. Каждый мой шаг, каждый дерзкий ответ, каждая попытка проявить самостоятельность — это для неё не просто бунт племянницы, это вызов Системе. Она ведь лично следит за репутациями!

Александра Фёдоровна сама была посажёной матерью на свадьбах своих фрейлин, приданым их обеспечивала, но и за моральным обликом следила, как инквизитор.

«Настя, ты влипла, — констатировал мой внутренний голос. — Твой муж — это всего лишь марионетка. Настоящая угроза — старуха в чепце, которая сейчас, возможно, пишет письмо Государыне о том, что Настасья внезапно обрела опасную остроту языка, а любовница племянника оказалась пустышкой, как он сам.».

— Теперь про Лоретту, — напомнила Татьяна, выводя меня из оцепенения. — Что там, в театре-то?

Я заставила себя усмехнуться, хотя хотелось забиться под кровать.

— В театре, Танюша, был цирк. Представь себе булочку. Очень сладкую, очень жирную, которую перевязали розовой ленточкой. И эта булочка вдруг начинает издавать звуки, похожие на визг пилы, которой пытаются распилить ржавый гвоздь. Это Лоретта. Она пела что-то из итальянцев, но так, что у птиц в саду случился нервный срыв.

Татьяна хихикнула, прикрыв рот рукой.

— А барин наш что?

— А барин наш сидел, подавшись вперёд, и ловил каждый этот визг, как манну небесную. У него глаза блестели так, будто он не певицу слушает, а считает прибыль от продажи всех зеркал Петербурга. Слюна разве что не капала.

Тяга моего мужа к этому типажу — пухлого ребёнка лет тринадцати с губками-бантиками — начинает меня серьезно пугать с точки зрения психиатрии. Я вспомнила реакцию Аглаи на это «искусство». Её лицо, которое она даже не пыталась спрятать. Ей было физически больно это слушать. Она, видевшая лучшие оперы Европы, должна была сидеть в саду Троегубова и потреблять эти музыкальные отбросы только ради того, чтобы её племянник потешил свое эго?

— Ох, барыня, — вздохнула Татьяна, задувая лишние свечи. — Опасно это... ну… что вы начали с ними ругаться открыто. Племянника наша хозяйка ой как любит!

— А ты откуда… знаешь столько? Про двор, про Императрицу? — вдруг поняла я, что именно в рассказе прислуги меня коробило – её полная, будто историческая, какая-то профессиональная осведомлённость.

— Обучения я не проходила, а уши у меня есть, Настёна. И память такая, что если при мне письмо прочитают, я могу слово в слово его повторить! Ты ведь и сама много раз этим пользовалась, — перешла вдруг Татьяна на «ты», но меня это не беспокоило. Открывалось ещё одно очень важное знание:

мы были в очень близких отношениях со своей служанкой. И она, наконец, поверила, что хотя у меня проблемы с памятью, но это — я. Что она думала до этого момента, я не знаю. Наверное, что в меня вселился бес!

— Я научу тебя и читать, и писать, милая моя, — улыбнувшись, сказала я и почувствовала, как веки наливаются свинцом. — Завтра начнём. Торопиться нам теперь нельзя. Будем прощупывать почву сантиметрами… нет, миллиметрами будем….

Глава 12

Когда Татьяна ушла, я долго лежала в темноте, слушая, как где-то в глубине особняка бьют часы. Картина прояснилась, но стала во сто крат опаснее.

«Кидаться в бой сейчас — значит совершить самоубийство, — решила я. — Надо поумерить пыл. Стать тише воды, ниже травы... на время. Нужно выяснить, кто ведет дела отца. Стряпчий. У него ключи ко всему. И ехать в Усть-Ижору надо под таким соусом, чтобы даже Аглая не заподозрила неладное».

— Ну что ж, Аглая Фёдоровна, — прошептала я в темноту. — Вы были фрейлиной Императрицы. А я была историком, знающим о вашем времени куда больше, чем сама Императрица! — прошептала я себе под нос и провалилась в сон.

Проснулась я со вполне проработанным решением: пора завязывать с образом «саркастичной попаданки на каникулах» и включать «режим снайпера»: учитывать все детали и попадать в цель с первого выстрела! Вчерашнее осознание того, что тётушка Аглая не просто вредная родственница, а чуть ли не правая рука самой императрицы, резко охладило мой пыл. Играть в «кто тут самая дерзкая» с человеком, который может стереть тебя в порошок одним движением бро-

ви — так себе стратегия.

Пока Татьяна привычными движениями затягивала на мне корсет — клянусь, я когда-нибудь изобрету эластичный лифчик и стану богатейшей женщиной империи — я решила начать свою маленькую реформу образования.

— Танюша, — небрежно бросила я, разглядывая в зеркале свои бледные плечи. — Сегодня после завтрака и до обеда у нас будет урок. Я научу тебя читать.

Гребень выпал из рук Татьяны с таким грохотом, будто я только что призналась в желании свергнуть Николая Павловича. Она уставилась на меня расширенными от ужаса глазами и, кажется, даже забыла дышать.

— Барыня! Настасья Павловна, голубушка! За что вы меня так? — она едва не рухнула на колени, судорожно крестясь. И куда делся язык, которым она вчера вполне сносно описывала жизнь императорского двора? — Мозги-то у меня холопские, куды мне буквы эти… Они ж, как пауки на бумаге, только кусаться и умеют! Не погубите, барыня, грехто какой! Ежели кто узнает, засмеют! Скажут: Танька-то грамотницей заделалась, в господа лезет!

— Встань, юмористка, — я закатила глаза, пытаясь сдержать смешок. — Никто тебя не погубит. Грамота — это не проклятие, а возможность не дать себя обмануть. Ты же хочешь знать, что в записках, которые тебе курьеры передают, написано? Или хочешь всю жизнь по картинкам гадать? А нам с тобой ещё жить и жить надо. Ты – мои глаза и уши!

Мы им не скажем, что ты грамоту разумеешь, а по дому куда больше знать будешь!

— Дык… — Татьяна шмыгнула носом, всё ещё подозрительно косясь на стоящую на столике чернильницу, словно та была порталом в ад. — А вдруг я от этого… ум свой растеряю? Говорят, от книжек голова пухнет и очи слёзнут.

— У меня не опухла же? — я иронично изогнула бровь. — Всё, вопрос закрыт. Будешь складывать слоги, пока не научишься. Это мой приказ.

Татьяна вздохнула так тяжко, будто я приговорила её к каторге в Сибири, и продолжила делать прическу. Но руки её заметно дрожали.

Завтрак проходил в торжественном молчании, прерываемом лишь звоном серебра о фарфор. Атмосфера была такой напряжённой, что казалось, ткни вилкой в воздух и посыплются искры. Я молчала, старательно размазывая масло по тосту. Вчерашний театральный позор висел над столом невидимым розовым, как перья у Лоретты, облаком. Аглая Фёдоровна ела медленно, с тем самым ледяным достоинством, которое заставляло официантов бледнеть. Она то и дело бросала на нас с Анатолием пронизывающие взгляды, словно рентгеном просвечивая наши грешные души.

Анатолий не выдержал долгого молчания. Его натура требовала реванша.

— И всё же, думаю, мы зря так… с Лореттой, тётушка, — выдавил он, наконец, не поднимая глаз от тарелки. — Она

очень талантлива, истинное дарование! А вчера… ну, нервность, софиты, публика взыскательная… это просто не позволило ей собраться.

Я чуть не поперхнулась чаем. Боже, он серьезно? Лоретта вчера пела так, будто резали недокормленную свинью! А он называет это «нервностью»?

Аглая Фёдоровна аккуратно отложила приборы. В столовой мгновенно стало тише, чем в склепе.

— Я больше о ней слышать не хочу. Ни слова, — голос её был спокойным, но в нём звенела сталь, способная перерубить рельс. — Эта девица — оскорбление для ушей и вкуса. И если я узнаю, Анатоль, что ты посещаешь подобные вертепы… или, упаси небо, продолжаешь поддерживать эту… «музыкалку», я вычеркну тебя из своего завещания. Тотчас же.

Лицо Анатолия пошло пятнами. Он открыл было рот, как выброшенная на берег рыба, и тут же его захлопнул. Его физиономия скукожилась, превратившись в такую недовольную мину, какие выдают только капризные четырнадцатилетние подростки, когда им запрещают играть в приставку.

Я замерла, надеясь, что он сейчас сорвётся и устроит скандал — это было бы мне на руку. Но, к моему великому сожалению, он сдержался. Только вилка в его руке жалобно звякнула о край тарелки. Пора было вступать мне.

— Мы посетили мероприятие, как ты и хотел, Анатолий, — начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и мяг-

ко. — Тётушка была добра, и мы отдали дань «искусству». А теперь всё же пора подумать о делах земных. Нужно ехать в Усть-Ижору. Пора навестить могилы моих родителей и узнать, наконец, как идут дела на заводе. Погода стоит хорошая, размытых дорог пока нет — лучше момента не найти.

Анатолий фыркнул, даже не удостоив меня взглядом.

— Вот и езжай в свою Тмутаракань, — бросил он, пренебрежительно махнув рукой. — Меня не нужно высылать из Петербурга в самый разгар сезона. Тут выставки, приёмы, новые постановки… А ты предлагаешь мне сидеть в глуши и смотреть, как сохнет грязь? Увольте! — он глянул на тётку даже с некоторым вызовом, мол, буду стоять до последнего. Но та вообще не отреагировала на его истерику.

— Значит, мне придётся ехать одной, — тихо ответила я.

И в этот момент произошло нечтостранное. Я просто хотела манипулировать им, но как только слова о могилах и Усть-Ижоре сорвались с губ, реальность вокруг меня словно дрогнула. Чужеродная память Насти, обычно дремавшая где-то в глубине, вдруг рванула на поверхность.

Перед глазами всплыла картинка: небольшой уютный одноэтажный особняк с мезонином. Вокруг него бушует море сирени — густой, пахучей, лиловой. Беседка во французском стиле, где тонкая паутина белых штор лениво качается на ветру, приоткрывая простой пейзанский натюрморт со столиком, накрытым для чая. И старое кладбище на окраине поместья, где под сенью вековых лип стоят рядом два про-

стых, почерневших от дождей, но аккуратно отесанных камня…

В горле встал ком. На глаза совершенно бесконтрольно накатили слёзы. Я почувствовала ту самую тихую нежность и невыносимую тоску, которая принадлежала не мне, но теперь пронзала моё тело насквозь.

— Поезжай, Анастасия, — неожиданно мягко произнесла Аглая. Я подняла глаза и увидела, что она внимательно смотрит на моё лицо. — Проведай могилы. Это богоугодное дело. А я тут пока решу вопрос с этой Лореттой и прочими современными певичками. Петербург должен быть избавлен от бездарности.

— Спасибо, тётушка, — выдохнула я и сама удивилась, как естественно это прозвучало. Я поняла, что мой язык сам выбрал это обращение. Видимо, настоящая Настя всегда её так называла.

Старуха, увидев мои слёзы, окончательно успокоилась: я снова стала той самой понятной, вечно заплаканной и ущемлённой племянницей. Прекрасно. Пусть считает, что я еду плакать над надгробиями, а не проводить аудит кирпичного бизнеса.

Решили, что я выезжаю через два дня вместе с Татьяной. Аглая пообещала отправить человека вперед, чтобы к нашему приезду в доме подготовили комнаты и протопили печи. Радости моей не было предела! Наконец-то я покину этот душный особняк, где каждый шаг регламентирован правила-

ми, и смогу разобраться, что же мне досталось в наследство.

Весь оставшийся день я провела в «мучениях» Татьяны. Мы заперлись в моей комнате, и я заставила её водить пальцем по листу бумаги, на котором крупно вывела буквы.

— Т — это первая буква твоего имени. Посмотри, она похожа на молоток, — объясняла я.

— И то правда, барыня, — вздыхала девушка, вытирая пот со лба. — Тюкнет — и голова пустая.

Но, к моему удивлению, Татьяна не наврала о своей какой-то очень уж продвинутой памяти. Она оказалась невероятно способной. То ли страх подстёгивал, то ли природная смекалка, но она схватывала всё моментально. К вечеру она уже не просто узнавала буквы, но и начала складывать их в слоги.

— А теперь напишем самую важную фразу одного очень хорошего времени, — я хитро улыбнулась и вложила ей в руку перо, придержав запястье.

Мы медленно вывели на бумаге первые буквы.

— Читать умеешь? — спросила я, когда мы закончили. Татьяна сосредоточилась, шевеля губами. Глаза её то сужались, то расширялись.

— М-а… м-а… ма-ма, — прошептала она, и вдруг её лицо осветилось таким восторгом, будто она увидела ангела. — Мама! Барыня, это же «мама»! Мама мы-ла… ра-му! Мама мыла раму!

Она вскочила с места, прижимая листок к груди.

— Я сама! Сама написала! И сама прочла! — она смеялась и плакала одновременно, забыв о всяком этикете. — Господи, барыня, да я ж теперь… я ж теперь как человек настоящий! Я ж теперь всё могу!

Глядя на её искреннюю радость, я почувствовала, как на душе становится тепло. Пусть «мама мыла раму» — это привет из моего советского букваря, но здесь, в 1830-м году, эти простые слова стали для крепостной девчонки настоящим гимном свободы.

— Это только начало, Танюша, — улыбнулась я. — На заводе в Усть-Ижоре нам понадобятся люди, которые умеют считать не только на пальцах. Я смотрела в окно на закатное солнце и знала: через два дня начнётся моя настоящая новая жизнь.

Глава 13

Последние два дня перед отъездом превратились в некое подобие религиозного экстаза, смешанного с тяжелой атлетикой. Моя верная горничная, которая еще недавно крестилась при виде чернильницы, теперь не выпускала из рук клочок бумаги и огрызок карандаша. За это короткое время она, проявив поразительную цепкость ума, которую веками подавляли барщиной, выучила дюжину букв.

— Барыня, глядите! Глядите же! — шептала она восторженно, когда мы сидели в моей комнате вечером. Её палец, огрубевший от работы, но сейчас дрожащий от волнения, медленно выводил на бумаге: «ДОМ». — Д-о-м... Это ж надо! Три закорючки, а целое здание поместилось!

Когда я научила её писать «ТАТА» (она так сокращала своё имя), Татьяна и вовсе расплакалась. Она смотрела на эти буквы так, будто они были святыми мощами. Для неё это не было просто навыком — это было обретение голоса. Она теперь могла оставить след в мире, который раньше её не замечал.

— Теперь, ежели я умру, — шмыгнула она носом, — на доске моей напишут, кто я была. Не просто «раба Божия», а Татьяна. С во-о-от такой буквой «Т» в начале!

Я улыбнулась, глядя на неё. Кто бы мог подумать, что я

буду чувствовать себя просветителем-миссионером, спасающим одну конкретную душу от тьмы неграмотности.

Выезд назначили на раннее утро, когда Петербург ещё только потягивался в своих серых туманах. Когда я вышла к карете, у меня едва не отвисла челюсть.

— Татьяна, мы едем в Усть-Ижору на пару дней или планируем основать там новую колонию? — я указала на гору сундуков, коробок и узлов, которые слуги пытались втиснуть в карету и закрепить на крыше.

— Ох, барыня, так ведь надобно! — запричитала она, поправляя шаль. — А ну как там простыни кислые? А мыло? Есть оно конечно в усадьбе, да не такое ароматное. А духи ваши? А ежели холода ударят? Я и валенки на всякий случай прихватила, и смену белья на неделю, и самоварчик дорожный, и...

Июнь во всем своем благоухании ни капельки не давал понять Танюше, что снег сейчас просто невозможен. Ну, да и ладно. Авось про нас забудут, и мы благословенно завершим свою жизнь в Усть-Ижоре, состаримся забытой женой, будем носки вязать крепостной детворе и писать мемуары. Тут и валенки к зиме мне пригодятся еще как. Только махнула рукой. Ладно, пусть везет.

Я и сама планировала задержаться в имении подольше, придумывая на ходу убедительные поводы для Аглаи Фёдоровны. «Мигрень» — скучно, «общая слабость» — подозрительно для женщины, которая еще вчера лихо ставила на ме-

сто мужа. «Нога!» — осенило меня. — «Вывихну ногу. Обмотаю бинтами, буду картинно прихрамывать и стонать при каждом шаге. Кто заставит женщину с травмой трястись в карете обратно в город?»

Дорога по Шлиссельбургскому тракту была испытанием для позвоночника и терпения. Карету подбрасывало на рытвинах, и я всерьез опасалась, что мой вымышленный вывих станет вполне реальным переломом без всяких усилий с моей стороны. Но сломать мне должно было как минимум шею. Поэтому, держаться приходилось и за Татьяну, в свою очередь, держащуюся за меня.

По такой дороге даже кирпич везти – большая оплошность. Это ведь не автомобили с рессорами, а телеги! Мысли скакали разномастными зайчиками, и чем дальше мы уезжали от Петербурга, тем сильнее гасла во мне уверенность в том, что я смогу реализовать все задуманное.

Около полудня мы остановились на постоялом дворе. Место было типичным: запах дегтя, навоза и пережаренного лука, шумные ямщики и тяжелые взгляды проезжающих. Я рассматривала каждого, кого видела, всматривалась во все детали быта и обстановки этого заведения, и иногда ловила себя на том, что забываюсь, и начинаю думать, что это кино.

Когда наш возница пригласил меня, и мы с ним вошли внутрь, я накинула вуаль пониже и присела в дальнем углу общего зала. Татьяна хлопотала у кареты, разбирая прихваченный с собой из дома перекус. Что-то необходимо было

съесть сразу, а что-то могло доехать еще без пропажи до моего дома.

За соседним столом, отделенным от меня низкой перегородкой, сидели трое мужчин — крепкие, загорелые, с мозолистыми руками мастеровых. Пред ними стояли миски с дымящимися щами, но говорили они не о еде.

— ...всё, сказывают, конец заводу в Усть-Ижоре, — гулким басом произнес один, утирая бороду. — Мастер Пахомыч вчерась расчет взял. Говорит, мочи нет на этот балаган смотреть.

— А что так? — отозвался второй. — Место-то намоленное, глина там — золото.

— Место-то золото, да хозяева — медь грошовая, — сплюнул первый. — Управляющий, немец этот, Карл Иваныч, в деле как свинья в апельсинах. Ему бы только в книжках цифирки черкать, а как печь ладить — он и не в курсе. Наемный люд уходит, кто в город, кто к частникам. Завод стоит, кирпич сырой трескается, а им и дела нет. Говорят, барыня-хозяйка вовсе носа не кажет, а мужик её только деньги со счета тянет.

У меня внутри всё похолодело. Мой завод. Моё наследство, которое в моих мечтах уже превращалось в строительную империю, на деле оказалось тонущим кораблем с капитаном-идиотом у штурвала.

— Ничего, — прошептала я под нос, сжимая в кармане платок. — Барыня-хозяйка как раз кажет нос. И мало этому

Карлу Иванычу не покажется.

Ввалившаяся с корзиной Татьяна моментально привлекла к себе внимание мужиков.

— Яйца надо есть сейчас-же, пирог доедет ишшо, — начала она прямо с порога под неодобрительный взгляд мужика за стойкой. — А ты чаво уставился? Чаю вели подавать горячего, и ежели есть, то хорошего мяса. Лучше курёнка запечённого! — приказала она и мужик пропал за занавеской.

Ели мы не торопясь, поскольку моя Татьяна настаивала, чтобы после еды мы еще и прошлись – ноги размяли – так положено при дальних поездках. Я не спорила, я наслаждалась видами и новыми знаниями, хоть и подтачивали услышанные сейчас мною новости о заводе.

К Усть-Ижоре мы подъехали в начавшихся сумерках. Городок встретил нас сонной тишиной, лаем собак и густым ароматом речной воды. Когда карета свернула на знакомую по призрачным воспоминаниям аллею, моё сердце предательски екнуло. Вот он.

Одноэтажный дом с мезонином, который я видела в тех странных вспышках памяти. В сумерках он казался призраком. Белые стены потемнели от времени, став сероватыми, а вокруг... Боже, сколько здесь было сирени! Огромные, заросшие, одичавшие кусты обступили дом плотным кольцом. Они были похожи на стражей, которые слишком долго ждали возвращения хозяйки.

Чуть в отдалении я увидела ту самую беседку во француз-

ском стиле. Она стояла в глубине сада, почти полностью поглощенная зарослями травы. Шторы, когда-то легкие и белые, отсутствовали.

— Приехали, барыня! — Татьяна радостно выскочила из кареты. — Глядите, и огни горят! Ждали нас! На крыльцо высыпали люди. Старшая сестра Татьяны, Марфа, и еще две девчонки, как две капли воды похожие на мою горничную — такие же востроносые и суетливые. Они кланялись, крестились и буквально светились от счастья, когда я вышла из экипажа.

— Анастасья Павловна! Голубушка наша! — Марфа припала к моей руке, и я почувствовала, что она искренне рада, в отличие от фальшивых улыбок в Петербурге. — Наконец-то! Уж мы и не чаяли! — Проходите, проходите скорее в тепло! Мы комнаты-то проветрили, да только сырость, она ведь такая, хозяйку чует, не спрячешь, — запричитала Марфа, ведя меня внутрь. — Совсем дом сиротой стоял. Тетушка ваша, Аглая Фёдоровна, всё через приказчиков распоряжалась, а те ведь… Им лишь бы копейку утаить. Сад-то вон как зарос, крапива в пояс, а беседка ваша любимая и вовсе прахом пошла. Обидно, барыня, право слово, обидно!

Я шла по залам, и каждый скрип половицы отдавался во мне странным эхом. Это был мой дом. Не тот холодный особняк с императрицей во главе, а этот — пахнущий пылью, старым деревом и увядающей сиренью.

Марфа, судя по переднику и запаху выпечки, была кухар-

кой. Не отходя от меня ни на шаг, она сначала молча и незаметно следовала за мной, а потом, когда я глубоко вдохнула и выдохнула, обошла меня, снова уставилась, как на приведение.

— Ох, голубушка моя, отощала-то как в этом вашем Петербурхе! Одни глаза остались, — прогудела она, и в её голосе было столько искреннего тепла, что у меня комок подошел к горлу. — А я ведь знала! Сердце вещун-то! Как почуяла вчерась, что приедете, а следом гонец приехал — так сразу оладьи дутые затеяла. Те самые, ваши любимые, легонькие, как пух! — Она схватила меня за плечи и потащила в сторону столовой, тараторя на ходу: — И маслицем топленым полила, густо так, и сахарком присыпала, чтоб хрустело! Горяченькие еще, в печи доходят. Идите, идите скорее, Анастасья Павловна, пока дух не вышел!

Я вошла в столовую, и на меня обрушилось ощущение... дома. Шатающаяся половица в прихожей, запах старого дерева, скрип двери — всё было знакомым до боли в костях. Это не было чужим местом. Это было моим убежищем.

— Ничего, Марфа, — сказала я, останавливаясь в центре гостиной и снимая шляпку. — Мы здесь не просто могилы навестить. Мы здесь, чтобы порядок навести.

В глазах слуг мелькнуло удивление, смешанное с надеждой. Видимо, та Настя, которую они помнили, таких слов не говорила. А я уже чувствовала, как во мне закипает энергия. Завтра же — на завод. И никакая сила не заставит меня вер-

нуться в Петербург раньше, чем я тут во всем разберусь!

Глава 14

Ноги будто сами вели меня по коридору, и это было пугающее чувство: я точно знала, что за вторым поворотом половица скрипнет чуть громче, а дверная ручка моей спальни — прохладная, из белого фарфора — ляжет в ладонь с едва заметным движением по железному стержню внутри.

Память тела оказалась куда надёжнее памяти рассудка. Комната была наполнена спокойствием, тишиной и запахом чего-то неуловимо родного, чего не было в пышном петербургском особняке. Здесь не было позолоты и тяжёлого бархата. Платяной шкаф из старого массива с резными изогнутыми ножками, будто жандарм, уперший кулаки в бока, встречал сразу при входе. Скромная кровать с железными шишечками на бульцах, накрытая белоснежным пикейным одеялом. Письменный стол у окна, заваленный какими-то старыми тетрадями, кресло-качалка, на котором ожидает хозяйку старая шаль.

Всё здесь было простым, чистым и удивительно честным. Это было место, где бывшей Насте не нужно было играть роль «удобной жены» или «выгодной племянницы». Здесь она была просто Настенькой.

— Ох, матушка, — раздался за спиной восторженный голос Марфы. Кухарка стояла в дверях, вытирая руки о перед-

ник. — Ведь как чувствовала, что вы именно сюда пойдёте! Татьяна-то всё порывалась вас в гостевые покои на мезонин вести, а я говорю: «Нет, хозяйка своё гнездышко не бросит.».

Я улыбнулась, проводя рукой по спинке кресла.

— Здесь хорошо, Марфа. Светло. Даже на закате!

— Так пойдёмте же, пойдёмте в столовую! Оладьи-то остынут, а они у меня нынче, как облака, только что не улетают!

Столовая в нашем одноэтажном доме была сердцем этого восьмикомнатного организма. Окна выходили на запад, и сейчас, на закате, комната была залита густым кисельным светом. Ножки деревянного стола, накрытого льняной скатертью, казались янтарными. В соседней гостиной, отделённой широким проёмом, тени от сирени за окном рисовали на стенах причудливые кружева.

Я села за стол, и на меня тут же обрушился гастрономический террор любви. Дутые оладьи, щедро политые топлёным маслом и присыпанные крупным сахаром, истекали ароматом, который мог бы поднять мёртвого. Гусь, запечённый с яблоками, томлёная каша и выпечка – всё это вызывало такой аппетит, что казалось, непременно съем до последней крошки!

Пока я ела, наблюдала за девушками. Татьяна и Марфа похожи. Хоть Марфа и старше на десяток лет. Но Татьянка будто чуть подсохла в столичном климате, а вторая разрумянилась на деревенских дрожжах. Они переглядывались, в их

глазах читалась такая жажда разговора, какая бывает только у сестёр, не видевшихся вечность.

— Марфа, — мягко сказала я, отставляя пустую тарелку. — Ужин был божественным. Отправляйтесь-ка вы с Татьяной на кухню, попейте чаю, пошепчитесь. Я вижу, как у вас обеих языки чешутся.

— Ой, что вы, барыня, — засмущалась Марфа, но глаза её так и вспыхнули. — А как же... а банька? Натоплена жарко! Уж так старались, дрова березовые — дух — во!

— Баня — это чудесно. Я пойду одна.

Татьяна чуть не выронила блюдце, которое собиралась унести.

— Как же одна, Настасья Пална? А спинку потереть? А волосы промыть? Не положено ведь...

— Положено, Танечка. Имею я право в своём доме на маленькое одиночество? — я посмотрела на неё так, что возражения застряли у горничной в горле. — После бани хочу сразу в комнату, выпью чаю и спать. Не беспокойте меня.

Слуги разошлись, шёпотом обсуждая мою «странность». А я, захватив чистую простыню, отправилась во двор. Баня стояла в глубине сада, почти у самой кромки заросшего пруда. Низкая, потемневшая от времени и дыма, она казалась маленьким сказочным домиком. Внутри царил полумрак, освещаемый лишь багровым отсветом из печи. Запах стоял такой, что кружилась голова: смола, нагретый камень и терпкий лесной аромат березовых дров.

Я первым делом проверила половицы. Начищены песком до белизны: никакой слизи, никакой грязи! Разделась, чувствуя, как с одеждой спадает вся петербургская шелуха, все заботы. В деревянном ведре уже запарился веник. Вода стала цвета крепкого чая. Я зачерпнула ковшом, плеснула на камни. Пар ударил в потолок сухим тяжёлым жаром.

Усевшись на полок, закрыла глаза и начала просто дышать. Помедитировав так несколько минут, я начала хлестать себя веником — не больно, а так, чтобы кожа горела и пила этот березовый настой. Ополоснувшись из шайки последним настоем от веника, почувствовала себя заново рождённой. Кажется, даже мысли в голове стали какими-то... скрипучими от чистоты. Завернувшись в огромную простыню, я вышла на крыльцо бани.

На улице уже стемнело. Воздух стал прохладным, благоухающим росой и разнотравьем. Вдали, за рекой куковала кукушка, подтрунивая надо мной и заставляя начать считать годы жизни, которые мне положены. Так и хотелось поделиться с птахой тайной о переселении душ, о бессмертии.

Я собиралась было идти к дому, но замерла, услышав голоса. Марфа и Татьяна сидели на крыльце кухни, совсем рядом. Они говорили вполголоса, думая, что я уже давно в своих покоях.

— Да что ты, Таня, — слышался горький голос Марфы. — Какое там «процветает»! Завод-то стоит, считай. Глина сохнет, люди разбежались, как крысы. А всё этот... Карла.

Управляющий-то! Он же в глаза ласково глядит, а сам все подряды налево пускает. Денег в доме — кот наплакал. А уж супружник если Настасьюшкин не возьмётся, все по миру пойдём. Придётся в город ехать. А может, нас и продадут кому…

— А как же Митрофан? — голос Татьяны дрогнул. — Он же мастер от Бога, ещё при барине старом завод держал.

— Митрофан? — Марфа тяжело вздохнула. — Так Карла его перед всеми рабочими опозорил. Сказал, что он вор и пьяница. Из дома выгнал. Он теперь на окраине живет, в лачуге, а к заводу даже не подходит. Говорит, ноги его там не будет после такого унижения. А без него какой кирпич? Одно недоразумение. Рассыпается в руках.

Я прижалась к стене бани, чувствуя, как холодная ночная сырость пробирается под простыню. Значит, вот оно как. Пока Настя в Питере играла в светскую жизнь, здесь методично уничтожали всё, что могло дать ей свободу. Управляющий – редкостный мошенник. Лучший мастер в опале. Завод на грани краха.

«Спокойно, Настя, — приказала я себе, чувствуя, как внутри закипает холодная, расчетливая ярость. — Нельзя отчаиваться. Враг проявил себя, а это уже половина победы!».

Я вернулась в комнату незамеченной. Чай на столике уже остыл, но я выпила его залпом. Тишина дома теперь не казалась мне пустой — она была выжидающей.

Я чувствовала себя так, будто с меня соскребли не только

дорожную пыль, но и все недавние переживания. Мне казалось, что если даже всё пойдет к чертям, у меня есть вот этот дом с сиренью и баней на берегу пруда. Тело было лёгким, почти невесомым, а кожа пахла березовым листом и чистотой. Одинокая свеча на столе дрожала, бросая длинные тени на белёные стены. Сегодня мне жизненно необходимо было остаться одной, без лишних глаз и бесконечного щебета Татьяны.

Свежая одежда, аккуратно уложенная на кровати, заставила улыбнуться – моя помощница даже незримо помогала мне во всём. И я радовалась, что хоть кто-то в этом мире меня искренне любит. Не боится, как хозяйку, а доверяет и заботится.

В одной тонкой сорочке, босая, я подошла к окну. Фарфоровая задвижка поддалась с мягким щелчком. Толкнула створку, и в комнату, словно долгожданный гость, ворвался ночной воздух. Это был не просто воздух. Это был концентрат! Густой, почти осязаемый аромат сирени смешивался с горьковатым, уютным запахом лёгкого дымка от березовых дров, который всегда пахнет домом. С лугов тянуло ароматом трав, которые за день раскалились под солнцем, а теперь, остывая в ночной прохладе, отдавали свой неописуемый запах воздуху. Мелисса, полынь, клевер…

Я задула свечу. Комната погрузилась в мягкий синий сумрак, разбавленный лишь лунным светом, пробивающимся сквозь листву. Укладываясь в постель, я почувствовала,

как прохладное полотно простыней обнимает тело. Подушка пахла солнцем — Марфа явно выносила её проветривать.

«Завтра... — лениво подумала я, закрывая глаза. — Завтра нужно велеть скосить траву перед самым крыльцом, а то совсем заросло. И с заводом... с управляющим... надо всё решить».

Но мысли о проблемах не кололи, а мягко растворялись в этой тишине. Я провалилась в сон мгновенно.

Это был тот самый глубокий, «беспросветный» сон, какой бывает только в детстве, когда ты точно знаешь: ты дома, ты в безопасности, и завтра обязательно случится что-то хорошее. Наверное, так сладко я не спала с тех самых пор, когда засыпала в доме у бабушки под мерное тиканье старых часов. Весь мир для меня впервые за долгое время перестал существовать. Остались только я, запах сирени и мирное поскрипывание старого дома, словно шепчущегося с садом о моём возвращении.

Глава 15

Утро ворвалось в комнату вместе с наглым солнечным лучом, который принялся бесцеремонно щекотать мне нос. Я открыла глаза и впервые за последние пару лет не почувствовала себя разбитой вазой, которую склеили второпях. Напротив, в голове было так ясно, будто там провели генеральную уборку с хлоркой.

В дверь нерешительно поскреблись.

— Барыня, вы почивать изволите или уже... того, восстали? — раздался шепот Татьяны.

— Восстала, Танечка, восстала. Причём в самом боевом расположении духа, — отозвалась я, откидывая лёгкое одеяло. Татьяна вошла, неся кувшин с водой, и я по её лицу поняла: «алфавитная лихорадка» не отпустила мою ученицу и за ночь. У неё под глазами залегли тени, но взгляд горел фанатичным огнём.

— Я ночью, барыня, пока Марфа храпела, на стене пальцем выводила... «У»... «С»... «Т»... — она замялась. — А дальше «Ь» как закорючка, да?

— Именно так, — я усмехнулась, ополоснув лицо ледяной водой. — Ты у меня к осени вместо управляющего счета проверять будешь. А пока готовь самое простое платье. Мы идём на прогулку. К фабрике.

— Пешком?! — Татьяна чуть кувшин не выронила. — Да как же... до неё ж минут пятнадцать ходу по берегу! А ножки ваши? А пыль дорожная? Анатолий-то Палыч всегда экипаж требовал, даже если к соседям через два дома...

— Анатолий Палыч может хоть на павлинах ездить, — отрезала я. — А мне нужно почву ногами чувствовать. И пятнадцать минут — это не расстояние, это легкий фитнес. Собирайся!

Мы вышли за калитку, и я невольно зажмурилась. Усть-Ижора в лучах утреннего солнца была просто картинкой из дорогого исторического атласа. Село раскинулось в том самом месте, где строптивая Ижора впадает в величественную Неву. Воздух здесь был совсем другим, нежели в Питере: влажным, пахнущим речной тиной, свежевыпеченным хлебом и какой-то первобытной свободой.

— Глядите, барыня, — Татьяна махала рукой в сторону церкви Святого Александра Невского. — Это ж наша гордость. Сейчас-то её перестраивают, колокольню новую ставят над входом. Говорят, сам инженер-генерал Вильсон, что селом нашим правит, за чертежами следил.

Я остановилась, разглядывая строительные леса. В памяти всплыл профессиональный «файл» из прошлой жизни: середина 1830-х, первая крупная реконструкция храма. Я вспомнила, как в архивах читала про подписку среди прихожан.

— Триста рублей граф Шереметев пожертвовал, — машинально пробормотала я. — Который в Корчмино усадьбу

держит.

Татьяна округлила глаза и чуть не перекрестилась.

— Откуда ж вы знаете, Настасья Павловна? Об том только сегодня ночью мне Марфа рассказала! Истинный бог, провидица вы у меня... Чего было – не вспомните. А чего без нас случилось – вот тебе, держи, Татьяна, новости! И как ведь ты настаивала ехать сюда, будто сердце чуяло, что всё тут к чертям катит… Ой, прости, барыня…

— Да догадывалась я, Танюша, догадывалась, — загадочно улыбнулась. Если бы сказать её, что видела смету на эту колокольню в электронном архиве двести с лишним лет спустя, она бы точно вызвала батюшку: бесов изгонять.

Мы шли по главной улице, и я не переставала удивляться. Село было живое, гудящее. В Усть-Ижоре сейчас жило около тысячи человек — целая армия рабочих рук, потенциальных покупателей и... свидетелей моего возможного триумфа или краха.

Мимо проезжали телеги, гружёные лесом, пахло дёгтем и конским потом. Люди кланялись, узнавая Настю. Но в их взглядах я читала не столько почтение, сколько любопытство, смешанное с жалостью.

«Приехала болезная, — читалось в глазах старой бабки у колодца. — Щас посмотрит на развалины и обратно в свой Петербург укатит…».

«Ну уж нет, бабуля, — мысленно отвечала старухе, решительнее перепрыгивая через выбоину. — Я вам не нежная

фиалка, я Анастасия Павловна, и в памяти у меня — весь промышленный переворот девятнадцатого века!».

Пока мы шли, я лихорадочно вспоминала детали расследования того самого Усть-Ижорского наследства. Память неохотно, но всё же выдавала куски информации: к концу 1830-х здесь, в полосе между Невой и Шлиссельбургским трактом, будет настоящий бум. Кирпич станет новой нефтью. Петербург рос как на дрожжах. Заводы Кононова, Стукалова, Беляева... их будет много. А мой завод — один из первых. Если я сейчас не упущу момент, то озолочусь.

— Вот и пришли, — вздохнула Татьяна, в голосе которой слышалась явная досада.

Я замерла. Перед нами высилась фабрика. На первый взгляд, типичный пример «сиротского» прозябания. Забор покосился и местами зиял дырами, как беззубый рот старого деда. Высокая трава, та самая, которую я вчера мечтала скосить у дома, здесь и вовсе буйствовала, пытаясь поглотить склады. Деревянные навесы для сушки кирпича, так называемые «сараи» выглядели, будто их не ремонтировали со времён Полтавской битвы. Но стоило мне присмотреться, как сердце радостно ёкнуло. Само здание завода было сложено из великолепного ровного кирпича — собственного производства, не иначе. Стены были толстыми, мощными, без единой трещины. Крыша, крытая добротным железом, лежала твёрдо, не провисая. Это было не разрушенное здание, это было спящее чудовище, которое просто забыли покормить и

причесать.

— Татьяна, — тихо сказала я, не отрывая взгляда от фасада. — Ты видишь запущенность. А я вижу фундамент благополучия.

— Я вижу, что людей на дворе нет, — проворчала горничная. — Время-то рабочее, а ни дыма над печами, ни криков начальника. Как вымерло всё.

И действительно. В воздухе стояла странная гнилая тишина. Ни скрипа тачек, ни тяжёлого дыхания обжиговых печей. На огромном пустом дворе валялись разбитые формы для формовки кирпича. Но самое интересное ждало нас впереди.

Едва мы переступили порог заводского двора, тишину, в которой лишь лениво переругивались две вороны на покосившейся крыше сарая, нарушил скрип тяжёлой двери. Из пристройки вышел мужчина, чей вид моментально вызвал у меня желание применить к нему какую-нибудь современную технику изгнания токсичных сотрудников.

Это был Карл Иваныч. Немец, судя по выправке и фанатично накрахмаленному, хоть и изрядно засаленному воротничку. Лицо у него было такое, будто он только что проглотил лимон, предварительно окунув его в уксус. Глаза маленькие, водянистые, смотрящие на мир с глубочайшим презрением.

— Ва́с ист да́с? — пролаял он, даже не пытаясь изобразить вежливость. — Что здесь забыли эти фрау? Здесь завод, а не променад для скучающих дам! Уходите прочь, здесь нельзя

прогуливаться!

Татьяна за моей спиной испуганно пискнула и вцепилась в мой локоть. Но я лишь расправила плечи, чувствуя, как внутри закипает злость.

— Карл Иваныч, я полагаю? — мой голос прозвучал ровно и сухо. — Нам нужно обсудить состояние дел на фабрике.

Управляющий замер, а потом выдал короткий лающий смешок, от которого во рту стало горько.

— Обсуждать? С вами? — он окинул меня взглядом, в котором не было ни капли уважения. — Я буду разговаривать только с Анатолием Павловичем. Мужские дела — для мужчин. А вы, сударыня, идите... хризантемы считайте в саду. Или что вы там обычно делаете?

— Владелец этого завода — я, — сделала шаг вперед, не отводя глаз. — И по закону, и по праву наследования. Анатолий Павлович здесь лишь гость, а я — хозяйка. Так что отчет вы будете давать мне. Сейчас же. А хризантемы у нас по осени, знаете ли, считают! Вот к сентябрю, как закончу с пересчётом ваших здесь махинаций, и примусь за цветы!

Карл Иваныч на секунду запнулся. Его водянистые глазки забегали, на пухлых щеках выступили красные пятна. Видимо, такая прямая атака в его «патриархальном» мире не была предусмотрена. Но он быстро взял себя в руки и гаркнул в сторону открытого цеха:

— Митька! Федька! А ну, подите сюда!

Из тени вышли двое рабочих, крепкие мужики в рваных

рубахах, чьи лица были серыми от кирпичной пыли. Они смотрели в землю, не решаясь поднять глаз.

— Проводите этих дам за ворота, — скомандовал немец, тыча в нашу сторону коротким толстым пальцем. — Живо! И чтобы больше духу их здесь не было, пока барин не приедет!

Мужики замялись. Они переглянулись, во взглядах я прочитала не агрессию, а жгучее чувство неловкости. Один из них, постарше, подошёл ближе и едва слышно прошептал:

— Барыня... Настасья Павловна... уходите, Христа ради. Он же ведь зверь, Карл сей. Нам-то ведь по первое число достанется, ежели не выпроводим. А вам тут не место сейчас. Уходите, матушка, не ровён час, беда будет.

Я посмотрела на Карла Иваныча. Тот стоял, сложив руки на груди, и победно скалился.

«Ладно, Карл, — подумала я. — 1:0 в твою пользу. Но матч только начался. Я не буду устраивать здесь бабью истерику, я вернусь с тяжёлой артиллерией».

— Мы уходим, — громко сказала я, глядя прямо на управляющего. — Но запомните этот момент, Карл Иваныч. Это был последний день, когда вы здесь командовали.

Дорога обратно заняла восемь минут вместо пятнадцати, но теперь я не замечала красоты Невы. В голове крутился один единственный вопрос: «Где документы?». Без бумаг о праве собственности, без долговых расписок и контрактов я для этого немца — просто капризная девица в красивом

платье.

— Ох, барыня, ну и страху я натерпелась! — причитала Татьяна, семеня за мной. — Как он на вас зыркнул! Прямо аспид, истинный аспид!

— Таня, замолчи, — бросила я, вбегая в дом. — Марфа! Марфа, иди сюда! Кухарка выскочила из кухни, вытирая руки о фартук.

— Что случилось, голубушка? Лица на вас нет!

— Марфа, кто занимался делами моего отца? Не этот немец, а юридическими? Кто оформлял завещание, кто вел документы по земле? Должен быть кто-то из местных, кому папа доверял.

Марфа на секунду задумалась, прижав палец к губам.

— Так ведь стряпчий наш Елисей Петрович! Он еще покойному батюшке вашему в рот смотрел, каждую букву выписывал. Верный человек, хоть и ворчун страшный. Как папенька ваш преставился, так Елисей Петрович всё сокрушался, что этот «колбасник» завод к рукам прибрал...

— Где он живет? — я схватила Марфу за плечи.

— Так на самой первой улице, как в село въезжать, дом с зелёными ставнями и крыльцом резным. Мимо не пройдёте, у него там на воротах еще табличка медная, — Марфа всплеснула руками: — Дык Татьяна-то знает! Да куда ж вы, барыня? Обедать пора! Оладушки совсем остыли!

— К черту оладушки! — я жестом приказала Татьяне нести мою шаль. — Мы идём к Елисею Петровичу. Сейчас

же. Пока Карл Иваныч не догадался перепрятать то, что ещё не украдено.

— Сами? Без экипажа? — Татьяна округлила глаза.

— У меня ощущение, что это ты барыней была, пока я память не потеряла. Экипаж слишком долго запрягать. Пойдём пешком, через огороды быстрее будет. Танюша, бери карандаш и бумагу — сегодня у нас будет урок практической юриспруденции. Я чувствовала, как внутри просыпается азарт. Если Елисей Петрович сохранил архивы, то у Карла Иваныча очень скоро случится «внеплановое сокращение штатов». И муженёк мой ему точно не поможет.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.